

ВНЕ
ЗАКОНА

Вячеслав
ДЕНИСОВ

Когда правосудие отдыхает...

**ГРАБЕЖ —
ДЕЛО ТОНКОЕ**

ЭКСМО

Вячеслав Юрьевич Денисов

Грабеж – дело тонкое

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=245332

Вячеслав Денисов Грабеж – дело тонкое: Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-04150-8

Аннотация

Грабеж – дело нехитрое: звонок в дверь, удар кастетом в лоб хозяину – и квартира в твоём распоряжении. Но зачем же прихватывать из квартиры каймановую черепаху, да ещё продавать её криминальному авторитету. Черепаха чуть не откусила тому палец. Разъяренный пахан решает проучить продавца, которого уже вовсе ищут менты. Вот тут-то и начинается самое интересное. Оказывается хорошо продуманный грабеж – дело очень хитрое...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	31
Глава 3	42
Глава 4	59
Глава 5	69
Глава 6	80
Глава 7	91
Глава 8	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Вячеслав Денисов

Грабеж – дело тонкое

Все события, герои и персонажи в романе вымышлены. Совпадения с реальными лицами случайны.

Пролог

Третий период матча Россия – Финляндия подходил к концу. Наши жали соперников в их зоне и боролись за шайбу, как последний раз в жизни. Счет 3:1 не в нашу пользу, и полторы оставшиеся до конца встречи минуты игрового времени уверяли каждого, что череде приступов «финского синдрома» не видно конца.

Глядя на экран, где металась бело-голубые и красно-синие тени, Миша Решетуха пил из девятой по счету банки «Балтики № 9» и изрыгал проклятия. Подобный исход матча не входил в прогнозы владельца коммерческого киоска Решетухи, поэтому к концу последней минуты встречи двухкомнатная квартира бизнесмена превратилась в вертеп богохульства.

– Не, ну, кто так прессингует? – комментировал он матч совместно с комментатором Головановым. Несмотря на то,

что весь матч они не оставляли без внимания ни одного эпизода, каждый из них – один в квартире, а второй в эфире – трактовал их по-своему. – Это мужской канкан, а не силовая борьба!

«Устали наши ребята... – вторил ему настоящий, имеющий аккредитацию, репортер, – по всей видимости, после не засчитанной в ворота финнов шайбы у нашей команды произошел какой-то внутренний надлом...»

– Какой, блин, надлом? – морщился Решетуха, допивая из жестяной банки остатки пива. – У них, блин, надлом на второй секунде матча случился, когда увидели, что вбрасывание проиграли!

Более азартного болельщика не знал весь дом. Точнее сказать, Решетуху очень хорошо знали как яростного болельщика. Все трансляции чемпионатов мира, Европы и матчи Еврокубка соседи Миши могли слышать даже на улице, через окно его квартиры на третьем этаже. Десять лет назад, сразу после армии, Миша устроился работать прессовщиком на станкостроительный завод. Нарушив все инструкции, он целый день провел без наушников, предусмотренных техникой безопасности, и был отправлен на медкомиссию уже на первой же неделе заводской трудовой деятельности. Миша в двадцать лет оказался глух, как тетерев, поэтому, чтобы пользоваться таким благом цивилизации, как телевидение, ему приходилось включать мощность звука на максимум.

И уже через неделю после вселения Решетухи в дом бо-

лельщиками стали все его жильцы. Бабки обсуждали на лавках целесообразность назначенного в ворота Буффона пениальти, старики, играя во дворе в домино, заключали пари на предмет того, кто возьмет верх в сезоне 2002—2003 российской суперлиги по хоккею. Пари заключали и вместе с этим обдумывали, как бы переместить глухого болельщика Решетуку за пределы района их проживания. Милиция всякий раз уезжала ни с чем, пожимала плечами и объясняла соседям, ненавидящим спорт, что Решетука глухой, а это не основание для привлечения его к ответственности. Увещевания также не приводили к успеху: габаритный Решетука посылал всех с порога своей квартиры так громко, что это тоже слышал весь дом.

Активисты пятиэтажки даже провели домсовет, на котором приняли решение собрать средства для киллера. Но некоторые все-таки уклонились. Среди них оказался, например, Леня Таньшин – пятидесятилетний алкоголик. Он сам был ветераном станкостроительного завода, поэтому не имел нужды вкладывать деньги в устранение того, кто ему не мешает никоим образом. С миру – по нитке, и в руках председателя домкома Геннадия Олеговича Попелкова, бывшего ээка, вскоре оказалась сумма в одну тысячу сто сорок два рубля.

На эту сумму можно было лишь пригласить киллера на беседу. Теперь еще столько же нужно было собрать, чтобы киллер выслушал заказчиков страшного преступления. А по-

скольку для того, чтобы киллер дал добро, нужно было еще тысячу раз по столько, на собранные деньги было решено выкрасить все четыре подъезда в зеленый цвет.

Миша Решетуха был спасен от народного гнева, хотя об этом даже не подозревал. Более того, за день до этого он выдал председателю домкома сто рублей. Тот позвонил, а когда Миша открыл дверь, стал руками показывать, что весь дом собирает деньги. Дослушивать Решетуха не стал. Дал сотню вместо запрашиваемой двадцатки и отправил делегата обратно.

С тех пор все жильцы дома продолжили слушать биатлонные, лыжные, футбольные и хоккейные репортажи, даже не включая в своих квартирах радио и телевизоры. Слушали и лихорадочно придумывали способ устранения Миши.

Иногда в квартире Решетухи наступало затишье. Эти два-три часа жильцы старались быстро использовать для того, чтобы заснуть. В это время, как думалось им, глухой Миша пьет горькую, празднуя очередную победу или очередное поражение. И тогда все, как по команде, затыкали уши ватой, накрывали головы подушками и старались быстро уйти в мир иллюзий. Большей части это удавалось, однако те, кто с задачей не справлялся, спустя указанные два или три часа вновь слышали утробные вопли Михаила. На спортивном канале начиналось очередное международное соревнование. Теперь эти крики, напоминающие рев оленя в брачный период, не стихали уже до утра. Потом Решетуха ложился спать, а

к обеду торопился к своему коммерческому киоску снимать кассу за ночь.

Так продолжалось изо дня в день уже целый год. А ведь еще год назад о присутствии Миши Решетухи на планете Земля эти несчастные жильцы даже не догадывались...

– Это не игра. Это порно, – заключил Решетуха, поднимаясь с дивана вместе с финальной сиреной. Несмотря на то, что все это время разговаривал так, словно звал в лесу собаку, Миша подошел к стене и повысил голос еще больше. Для старика же Попелкова, что жил в соседней квартире, стук в стену и крик Решетухи показались проклятием Перуна. – Я говорю, Гена, порно это!!! Ты видел, чтобы наши так играли в семидесятые? Я, например, не видел!!

– И я не видел!! – спасаясь от повторного стука глухого соседа, проорал Попелков.

Подоткнув под головой подушку, он в полной темноте квартиры уткнулся носом в розетку и добавил:

– Срам, а не игра!!!

Оба были правы. Ни один из них в начале семидесятых не мог быть свидетелем блистательной игры сборной. Решетуха сосал в люльке соску и отрыгивал излишки кефира, а Попелков с шестьдесят девятого по восемьдесят первый валил на Колыме лес.

Решетуха прошел в кухню, с размаху бросил в ведро девятую пустую банку, сопровождая попадание возгласом

«Гол!», от которого дрогнула живущая через стенку старуха Маратович, и полез в холодильник за очередной порцией пива. Там же, на средней полке, он раскопал под ворохом пакетов с провизией кулек с сырой мойвой и выудил две рыбешки.

– Жрать всем нужно... – пробормотал он странную фразу и прошел в комнату.

Двигаясь мимо мебельной «стенки» в комнате, он приблизился к огромному стеклянному аквариуму, играющему роль террариума, и потряс рыбинами в воздухе.

– Мария, ужин готов.

Из-за коряги показалась небольшая черепаха и, вытянув шею, поползла к добыче.

– Ну тебя на фиг, – заявил Миша и быстро бросил замороженных мальков на дно емкости. – Как ты хаваешь – вырвать может. Смотреть противно.

Через полчаса начинался волейбольный матч между польской «Мостосталью» и лужниковским МГТУ. Окинув взглядом упаковку, Миша с удовлетворением отметил, что питья хватит даже в том случае, если поляки окажут достойное сопротивление и придется играть не три сета, а пять.

В это время в коридоре зажегся звонок. Во всех других квартирах, в которые звонят пришедшие, звонок раздается. Однако в квартире Решетухи он именно зажигался. Ведь ни одну из известных сирен, тем более после десяти банок пива, выпиваемых Мишей еженощно, он услышать не мог, поэто-

му звонок имел одну особенность. Звука не было. В тот момент, когда на пороге его квартиры кто-то нажимал на кнопку звонка, во всех комнатах зажигались специальные лампочки. Это был сигнал для Решетухи, что у дверей стоят гости.

Преодолевая коридор, ведущий из кухни в зал, Миша увидел, как над вешалкой вспыхнула лампочка.

– Опять нытики прибыли... – догадался яростный болельщик.

Переложив банку из правой руки в левую, он взялся за замок и прильнул к «глазку». В окуляр деформирующего изображения глазка Решетуха увидел молодого человека. Тот стоял, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то в сторону. Мише это не понравилось.

– Предъяви фас! – попросил он, после чего пришелец отшатнулся от двери, словно пораженный электрическим разрядом.

Однако фас предъявил, и взору расстроенного неудачей хоккейной сборной фаната предстало веснушчатое лицо молодого тщедушного гостя.

– Кто такой? – спокойно осведомился Решетуха, не надеясь понять ответ.

Лицо, приблизившись к глазку, пошамкало губами, полезло под одежду и обнажило какое-то удостоверение.

– Опять старье пожаловалось! – тихо для себя, но не для покровов ночи возмутился Миша. – Ментов тут только не хва-

тало!! Дома сидеть надо в это время, а не обходы делать! Не уважаю мужиков, не интересующихся спортом!..

Вскрыв банку, он сделал два яростных глотка и открыл дверь...

Часть первая

Глава 1

Уголовное дело по факту причинения гражданину Решетухе вреда средней тяжести легло на стол молодого судьи Центрального районного суда города Тернова Левенца Павла Максимовича в середине марта 2003 года.

Павел Максимович был не просто молод по судейским меркам. Он был чудовищно молод. Закончив юрфак в двадцать два года, он пять лет волок лямку в должности юриста в строительной корпорации «Кров без границ». После этого, успешно сдав экзамены, он получил удостоверение, подписанное самим Президентом страны. Двадцать семь лет для судьи – возраст рискованный, однако все требования, предъявляемые для кандидата на эту должность, были выдержаны. Ему более двадцати пяти от роду, у него высшее юридическое образование и не менее, а даже более пяти лет юридического стажа. Все по правилам, и Паша Левенец, по студенческому прозвищу Ленивец, превратился в Павла Максимовича, Его Честь федерального судью Центрального районного суда.

Не понятно, чем руководствовался председатель упомянутого суда Виктор Аркадьевич Николаев, назначая очевид-

ного «цивильного» судью на рассмотрение уголовных дел, однако Левенец занял кабинет, соседствующий с самым известным в городе судьей по фамилии Струге. Эту фамилию Павел Максимович слышал еще в институте. На приговорах Струге решались задачки по праву и проводились занятия по профессиональной этике юриста. Струге уже сам не помнил, при каких обстоятельствах и в каком году ему приходилось оглашать приговоры по сомнительным делам, а вот Левенец помнил очень многие эпизоды из жизни знаменитого скандального судьи. Собственно, он и в судьи-то подался исключительно ради того, чтобы стать юристом, хоть чем-то похожим на Струге. Он даже не мечтал попасть в Центральный суд, однако судьба распорядилась так, что не только стал членом команды этого суда, но и кабинет получил тот, что соседствовал с кабинетом Антона Павловича.

Понимая, что его судебское реноме во многом будет зависеть не только от законности выносимых приговоров и качества рассматриваемых в кассационной инстанции дел, но еще от его поведения в тесном судебском мирке в здании на улице Красных Партизан, Павел Максимович первый месяц службы посвятил разведке. Разведкой он называл установление взаимоотношений всех членов судебного коллектива и выяснение для себя правильной тактики последующего поведения.

Присутствуя на судебных совещаниях, регулярно устраиваемых Николаевым, Павел Максимович впитывал в себя,

как губка, каждую нотку настроения коллектива. Авторитет Николаева был для него непоколебим. За месяц Левенец сделал пока один лишь вывод. Деятельность маленького мирка, именуемого районным судом, – не что иное, как работа разведчиков в тылу врага или труд старателей в период форта. Каждый судья носит в себе загадку, стараясь хранить ее при любых обстоятельствах, при этом всяческими путями пытается узнать тайну, которую носит коллега. Личные отношения сведены к минимуму.

Была еще одна странная вещь, не заметить которую было невозможно. На всех совещаниях Николаев доводил до судей свои решения по различным вопросам. В этом, если быть откровенным, ничего странного нет, однако все указания председателя суда заканчивались вопросом «Как вы считаете, Антон Павлович?». Вот это и было странным. Антон Павлович Струге – такой же судья, как и Левенец. Такой же судья, как и все прочие, кто отправлял правосудие в Центральном районном суде. Однако, принимая решение по тому или иному организационному вопросу, свою речь председатель заканчивал неизменным обращением к Струге: «Как вы считаете, Антон Павлович?» И Антон Павлович вяло жал плечами, теребил мочку уха, кривился и отвечал так, что у Левенца на спине коробилась кожа.

– А я откуда знаю? – разрушая выстроенный Левенцом за студенческие годы миф о гениальности Струге, отвечал Антон Павлович. – Я что, Даль, что ли, все знать?

– Ну, одна голова – хорошо, а две – лучше, – настаивал Виктор Аркадьевич.

– Одна голова – хорошо, а две – уже некрасиво, – заканчивал всякий раз Струге.

«Хам», – всякий раз отмечал про себя Павел Максимович.

Однако мысль о том, что за этим показным равнодушием и снобизмом прячется душка, Левенца не оставляла. Пытаюсь выяснить натуру скандального, но при всем том талантливейшего судьи, Павел Максимович решил делать выводы, не наблюдая за Струге со стороны, а в ходе непосредственного контакта. Однако вскоре его постигло такое жуткое разочарование, что мнение о гении Струге, пересказываемое различными источниками, у Левенца поблекло окончательно. Пару раз он заходил в кабинет к Антону Павловичу с просьбой дать совет при рассмотрении того или иного дела. И оба раза он заставал его пишущим за своим столом какие-то документы. Струге оказался на поверку настолько хамоватым, что даже не поднимал на вошедшего коллегу глаз.

– Антон Павлович, зная ваш опыт, я хотел бы проконсультироваться у вас по одному делу...

Левенец даже не успевал открыть рта, чтобы сказать о самом деле, как Струге, не отрываясь от своей писанины, поднимал со своего стола истрепанный Уголовно-процессуальный кодекс и с грохотом бросал его через весь кабинет к Павлу Максимовичу. Все, что оставалось Левенцу, – это смотреть на подъехавший по столешнице выдавший виды фоли-

ант.

Впервые Левенец отнес столь безнравственный поступок за счет занятости известного судьи. Но когда он повторил попытку данного метода разведки, с ним произошла та же самая история. Полет кодекса через кабинет, громкий хлопок книги о столешницу... И вот уже трактат останавливается у самой полы пиджака стоящего напротив Струге Левенца.

«Читай, придурок», – два раза подряд перевел для себя молчаливый жест Струге Павел Максимович.

Замок был разрушен. Красавица превратилась в чудовище, и никакой надежды на хеппи-энд нет и быть не может.

Как часто бывает в таких случаях, молодой организм, не натренированный схватками, слегка надломился. Павел Максимович нашел поддержку там, где добиться ее было легче всего. Его советчиком и покровителем стал судья того же Центрального суда Кислицын Игорь Пантелеевич. И, как водится, эта поддержка была получена именно тогда, когда Левенец находился в состоянии психологической борьбы с самим собой. В силу своей молодости и отсутствия опыта в судебных межличностных передрягах Левенец даже не имел представления о том, что в судебной власти, как и во власти законодательной, существуют коалиции, оппозиции и одномандатные депутаты. Однако во власти судебной, в отличие от власти законодательной, их борьба происходит невидимо для обычного глаза.

Душкой оказался именно Кислицын, хотя о нем в инсти-

туте Левенец не слышал ни слова. Впрочем, заслуги быть услышанным в вузах достаиваются немногие.

– Ты не обращай внимания на некоторых наших судей, – мягко увещевал Павла Максимовича Кислицын.

Он стал частым гостем в кабинете молодого судьи и, на правах уже хорошего знакомого, подходил к окну и закури-вал. Левенец знал, что курить в суде запрещено самим пред-седателем, и то, что Кислицын при нем дымит в кабинете, заведомо зная, что это способно вызвать неудовольствие Ни-колаева, внушало Левенцу ответное доверие.

– Вот взять, к примеру, Струге, – продолжал Кислицын. – Антона Павловича. Грамотный судья. Я, скажем, в его при-говорах ошибки вижу очень редко. Но что касасемо челове-ческих качеств... Знаете, Павел Максимович...

– Можно просто – Павел.

– Хорошо. И меня можно просто – Игорь. Но давайте до-говоримся – только тогда, когда мы одни. Дружеские отно-шения, к сожалению, в нашей среде не поощряются, Паша... Так вот, Струге. Вы попробуйте хотя бы раз обратиться к нему за помощью. Я не думаю, что вы встретите понимание...

– Какое там! – сокрушался Левенец. – Молча тыкает но-сом в УПК, как младенца...

– Вот-вот. Человечность отношений – основа нашей дея-тельности, Паша. Это главное. Если каждый из нас заживет отдельной жизнью, как Струге, то он долго не протянет.

Так они стали друзьями. Прошел еще месяц. Становление

судьи происходит именно в первые месяцы работы. Именно в это время определяется тактика поведения в коллективе. Очерчивается круг внутренних интересов и принципов отношения к работе. Это те первые два-три месяца службы, когда молодой судья начинает постигать основные понятия особых человеческих взаимоотношений внутри судейского коллектива.

К середине марта Левенец сделал свой выбор. К тому моменту, когда на его стол легло дело по факту причинения вреда здоровью гражданина Решетухи, он окончательно разрушил для себя идеалистический миф о величии судьи Струге. Утвердился в правоте того, что простые судьи гораздо порядочнее и именно они всегда готовы поддержать товарища, ибо находятся не на небе, как Антон Павлович, а на земле, рядом.

– Рассмотрите это дело внимательнее, Павел Максимович, – заметил Николаев, передавая бумаги Левенцу. – Кстати, в нашем городе участились случаи подобных квартирных разбоев. Вы ничего об этом не слышали?

Левенец признался, что не слышал. Тогда председатель развернул перед ним словесный триллер. В течение четырех последних месяцев Тернов сотрясала череда разбоев, происходящих по одному и тому же сценарию. Посреди ночи раздается звонок в дверь, человек представляется сотрудником милиции и просит срочно позвонить по телефону. Заспанные хозяева квартиры открывают дверь и тут же получают

по носу кастетом. После, не приводя потерпевших в чувство, лжесотрудник милиции забирает дорогостоящие вещи, деньги и уходит. Из четырнадцати подобных фактов два закончились смертельным исходом, так как злоумышленник бьет, по всей видимости, от души.

– Я хочу, чтобы вы подошли к делу со всей ответственностью и вынесли законный приговор.

– А разве я выносил когда-нибудь приговор незаконный? – обиделся Левенец.

– А разве я вам когда-нибудь предъявлял свои претензии по этому поводу? – срезал его Николаев. – Я говорю это всем, почему же вы должны быть исключением?

И Левенец совершил глупость.

– Струге вы этого никогда не говорите, – буркнул он, смахивая со стола дело.

– Закройте дверь, Павел Максимович, – попросил Николаев. – Закрыли? Хорошо. Так вот, когда вы дорастете до уровня Струге, тогда у меня не будет необходимости повторять то, что я повторяю всем судьям, которым отписываю дела. Хотите добрый совет на будущее?

Левенец не хотел, но сказал, что хочет.

– Занимайтесь созданием исключительно собственного авторитета. Есть постаменты, которые не удастся сдвинуть с места не только молодым людям, но и выдавшим виды зубрам. Вы не относитесь ни к первым, ни ко вторым, поэтому примите этот совет, как единственный полезный из тех, что

вы получаете в своем прокуренном кабинете.

– Я не курю, – слегка дрогнувшим голосом заметил Павел Максимович.

– Об этом я речь и веду.

Последний разговор с председателем заставил пошатнуться выстроенное кредо Левенца, однако это было лишь ничтожное колебание. Ситуацию тут же прояснил Кислицын, появившийся в кабинете молодого судьи через минуту после того, как тот покинул приемную председателя.

– Не обращай внимания, Паша, – успокоил он. – Я же тебя предупреждал о круговой поруке и необходимости нам держаться вместе. Главное, не ошибайся в приговорах, а остальное все приложится. У тебя еще не закончился период адаптации, на коже остаются шрамы от любых наскоков. Через год они затянутся, а кожа загрубеет настолько, что появление следующих шрамов будет просто невозможно. Держись людей, которым доверяешь, наша сила в дружбе. А что Николаев о Струге говорил?

– Да... – отмахнулся вновь воспрянувший духом Левенец. – Что есть постаменты, сдвигать которые – себе дороже.

Кислицын почесал подбородок.

– А совсем недавно он хотел, по негласной просьбе председателя облсуда Лукина, втоптать Струге в дерьмо. Да, что с людьми происходит? Сегодня он такой, но наступает завтра – и он совершенно другой. Этому Струге прощается все, за что тебя или меня просто поставили бы к стенке. В пере-

стрелках со смертельным исходом участвовал? Участвовал. Жену его за взятку привлекали? Привлекали. Дела какие-то свои, непонятные делает? Так точно. И никто его сдвинуть с места действительно не может! Харизма у него какая-то, которая застит глаза руководителям. Ладно, мне пора, в четырнадцать часов процесс такой нудный...

Но Левенец сидел уже с округлившимися глазами.

– Как это – жену привлекали? В каких перестрелках?

– Да ну, Паша! Не люблю о людях говорить за глаза, когда они не могут меня опровергнуть и постоять за себя. Сплетни – это последнее дело. Струге – хороший судья, грамотный. А это главное... Да, кстати, его один раз уже задвигали в отставку. Криминал там какой-то усмотрели... Ладно, пока. Домой вместе пойдем?

И он ушел, оставив Левенца наедине со своими мыслями. Павел Максимович сидел, слегка оглушенный неведомыми ему ранее подробностями биографии судьи Струге. Факт того, что за спиной «мутного» судьи с громким именем стоят влиятельные люди города, был очевиден. И Левенец вспомнил, как на государственном экзамене по уголовному праву приводил в пример практику терновского судьи Струге. Не практику Верховного суда и не практику хотя бы областного, а именно решение Антона Павловича Струге, рядового судьи Центрального районного суда провинциального города, в котором тот имел честь отправлять правосудие. Странно, что никто из членов ГЭК даже не воспротивился этому факту.

Лишь председатель комиссии, председатель областного суда Лукин поморщился, как от приступа изжоги, и стал терзать Левенца по теме в ключья, совершенно позабыв о том, что никого из выпускников он подобной чести не удостоивал.

– Вот тебе и на, – хмыкнул Павел Максимович, сползая со стола. – Вот тебе и непоколебимый авторитет. Кодексы он мне бросает... Ничего, Земля круглая. Не может быть, чтобы он ко мне ни разу не обратился. Не может такого быть.

Теперь его забирало уже не притяжение к авторитету известного юриста, а чувство любопытства. Вокруг всех известных ходят волны слухов, часто преувеличенных и чересчур надуманных. Известные люди – они такие же, как все, просто о них больше говорят. А что говорят – уже не имеет значения. Как вел себя на экзамене Лукин?! Он точно знал, где у Струге большое место, потому и расвирепел! А в этой личности, в Струге, еще стоит покопаться. Настолько ли это значимый человек?

И кто может отрицать вероятность того, что о молодом судье Левенце заговорят гораздо громче и гораздо раньше, чем это было сделано в отношении Струге?

К Антону Павловичу нужно присмотреться. Это главный вывод, который сделал для себя молодой судья к исходу второго месяца своей деятельности.

А сам Антон Павлович уже давно присматривался к Левенцу.

Проверка предоставила доказательства того, что на шкуре Павла Максимовича Левенца подшерсток отсутствует, как таковой. Лишь грубая редкая ость, не могущая спасти своего обладателя от резкой смены климата и других жизненных обстоятельств. Молодой судья на поверку оказался слабым и гладкошерстным, готовым прибиться к любому стаду, которое даст согласие на постановку на котловое довольствие своего нового члена.

Все два месяца, что Левенец обосновывался в суде, Струге присматривался к молодому коллеге. Присматривался, замечал каждый его поступок и проверял теми же самыми способами, какими почти девять лет назад его, молодого, проверяли старшие коллеги. Принцип выбрасывания не умеющего плавать посреди реки – не лучший способ научить живое существо держаться на воде. Однако это лучший способ выяснить, во что сразу вцепится тонущий – в опущенное в воду весло или в саму воду.

И кто вообще смел тогда подумать, что Струге не в силах переплыть эту реку? Струге выплыл и сразу стал тем, кто есть сейчас, – Струге.

А Левенец вцепился в весло в первые же дни. На это безошибочно указывали частые посещения кабинета молодого судьи Кислицыным. Антон Павлович знал, что такое есть Кислицын, поэтому ошибиться в своих предположениях не мог.

Однако не каждый умеет цепляться за воду. Иным нуж-

но несколько таких выбросов. У каждого человека должен оставаться шанс, использовать который или не использовать – прерогатива самого утопающего. И Струге дал Левенцу такой шанс.

Как-то в один из теплых мартовских дней Струге, как обычно, перекусил в кабинете и направился в туалет сполоснуть чашку. В российских районных судах туалет до сих пор является единственным местом, где можно после чая помыть посуду. Выходя обратно, Антон Павлович заметил Левенца. Тот, сжимая под мышкой увесистую папку, стоял на одной ноге, как цапля, и закрывал на ключ кабинетную дверь. Получалось плохо, так как силенок у судьи было недостаточно, а замок, который на памяти Струге не менялся уже около пяти лет, никак не поддавался. Струге подошел, молча взял из руки Левенца ключ и закрыл дверь.

– Куда направляетесь, Павел Максимович?

– В секретариат, – ответил тот, несколько озадаченный поступком «неземного» судьи.

– В смысле – в канцелярию? – уточнил Струге.

Левенец виновато улыбнулся и неопределенно махнул головой.

– Сейчас же обед, Павел Максимович. – Струге прятал улыбку. – Хотите нарваться на неприятность в лице Розы Львовны?

Роза Львовна – начальник канцелярии. Она, как и всякий сотрудник суда, никоим образом не относящийся к судей-

скому сообществу, очень ревниво охраняла свои трудовые права. Видеть, как судьи ежегодно получают премии, в десять раз превышающие ее заработок и ежемесячное вознаграждение за ратные труды, было выше ее сил. И Роза Львовна никогда не шла на уступки для судей там, где это можно было сделать без риска понести убытки. Обед для нее начинался в тринадцать ноль-ноль, а заканчивался в четырнадцать ноль-ноль. Любой судья, вошедший в канцелярию за полторы минуты до указанного времени, рисковал получить дозу яда в самое сердце.

– Роза Львовна не позволит вам нарушать ее конституционные права, – заметил Струге. – До конца обеда Розы Львовны осталось целых двадцать три минуты. Уж коль скоро вы закрыли дверь в собственный кабинет, может быть, зайдете в мой? В канцелярии вам все равно ничего не светит.

И Левенец, слегка ошеломленный таким вниманием, покорно пошел за Струге.

– Да положите вы свое дело... – Антон Павлович указал на свой широкий стол. – Сядьте и расслабьтесь. Кстати, насчет расслаблений... Вам известно, что распоряжением Николаева курение в суде запрещено?

– Знаю.

– Тогда почему нарушаете? – как-то по-прокурорски спросил Струге и вытащил из ящика стола пепельницу. – Вы прямо в «отрицаловке» какой-то, Павел Максимович! А я думал, вы не курите.

– Я и не курю. – Левенец слегка покраснел. Он понимал, куда клонит Струге, и начал уже подумывать о том, что это именно Николаев попросил Струге провести «воспитательную работу» с молодым судьей. Если так, то все это очень унижительно.

– Кислицына уже раз поймали на куреве, так он решил в вашем кабинете дымить. Мне кажется, это называется – подстава коллеги. Нет?

Левенец молчал, силясь разрешить трудную проблему – зачем он понадобился Струге и откуда в том столько заинтересованности в скромной персоне его, Левенца.

– Как думаете, наши у чехов выиграют? – спросил Струге.

– Чего??

– Завтра наши с чехами играют! – повысил голос Антон. – И я спрашиваю ваше мнение относительно исхода встречи.

– Я не интересуюсь хоккеем, – процедил Левенец.

– Это зря. Если бы вы интересовались, то обязательно смотрели бы матч наших со шведами. И обратили бы внимание на чешского судью, не засчитавшего гол в ворота шведов и не обратившего внимания на несколько моментов, после которых нужно было скандинавских хоккеистов отправлять в штрафной блок. А это важно.

– Важно для кого?

– И для вас в том числе. В чьих интересах судья из Чехии слегка засудил россиян? Вот и думайте. Арбитр действовал на грани фола, однако обвинить его в предвзятости нельзя.

Хотя для опытного глаза она очевидна. Чуть позже нашим играть с чехами, а теперешний наш проигрыш шведам тотчас даст преимущество чехам. Это высший класс судейства, Павел Максимович. Нет?

– Зачем вы мне это говорите?

– Затем, что вы молоды. Не обижайтесь, но сейчас из вас можно лепить любую фигуру. Можно слепить пешку, а можно ферзя. А можно – сушку. С маком. Королем вам не стать при любом раскладе, однако не дай бог вам стать конем. Вы нашли в УПК то, о чем справлялись у меня?

– Конечно, нашел, – без вызова ответил Левенец. – Нашел и применил.

– Тогда зачем же вы приходили ко мне, если разобраться в ситуации могли и без моей помощи?

«Действительно, – подумалось Левенцу, – зачем?» А затем, что он молодой судья, и ему на первых порах нужна поддержка! Наверняка и Струге обращался к старшим коллегам! Нет?

– Обращался, – подтвердил тот. – Однако тогда, когда не мог найти ответ в тексте закона. Вы же, как я понял, нашли. Значит, я был прав, бросая вам книжку. Учитесь работать самостоятельно, Павел Максимович, иначе вас мгновенно превратят в коня. Вы верите в любовь с первого взгляда?

В голове молодого судьи вращался торнадо.

– Нет, – глупо ответил он на странный вопрос. – Как и в дружбу.

– Резонно, – отметил Струге. – Тогда мне кажется странным, что из вашего кабинета с первого дня вашего пребывания здесь не выходит один человек. Я не имею ничего против, но мне кажется, что это вас выбрали, а не вы приняли решение. Нет?

В голове Левенца наконец-то забрезжила пока единственная здравая мысль. Мысль о том, что в этом суде фигуры переставляет именно этот, атлетически сложенный мужик, а не некто по фамилии Николаев. Это он принимает решения, создает атмосферу и управляет судом, вопреки всем бюрократическим законам и иерархическим правилам!

– Павел Максимович, у вас на руках дело, которое обозначено подписью Николаева неделю назад. Вы направляетесь с ним в канцелярию, значит, вместе с ним несете вопросы. Могу вас уверить, что в канцелярии вы ответов не найдете. Нарветесь на укус Розы Львовны и отправитесь восвояси, уяснив для себя одну важную мысль – к этой женщине нужно подходить в болотных сапогах и накомарнике. Спросите лучше меня. Однако, если я пойму, что ответ на ваш вопрос расписан в Уголовно-процессуальном кодексе, я опять отправлю его в полет.

«Да, – думалось Левенцу, – не все так просто, как представлялось». Одновременно ему в голову пришли высказывания знакомых о том, что суд – не лучшее место для самоутверждения. Павел Максимович коротко поведал Струге о деле потерпевшего Решетухи все, что ему было известно из

материалов.

– Мне известно, что в городе уже четырнадцать подобных эпизодов разбоев, – задумчиво, словно пересчитав эти эпизоды, произнес Левенец. – И, если не ошибаюсь, два из них закончились смертью потерпевших.

Струге окинул молодого судью взглядом работника ломбарда. Дорогуший черный костюм, белоснежная сорочка и яркий галстук с росписью «под Матисса». Все приобретено не на городских ярмарках, а в фирменных бутиках. Вид Левенца очень соответствовал должности начальника юротдела преуспевающей компании или адвоката из крутой коллегии, но никак не судьи. Полное отсутствие приглушенных тонов, что не способствует сосредоточенности внимания участников процесса. На заседаниях, где председательствует этот молодой человек, все внимание будет приковано не к предмету разговора, а к галстуку посреди картины, именуемой судьей.

– Откуда вам это известно? – Струге, крайне разочарованный увиденным, отвел взгляд от Павла Максимовича.

– Да какая разница? – слегка порозовев, отмахнулся тот.

Но отмахнуться от Струге было невозможно. Левенец не сводил слегка покрасневших глаз с дрожащими ресницами от герба страны над головой Струге, но под напором вопросов вынужден был вернуться к теме.

– Николаев сказал?

– Ну...

– Ну?

– Ну да, в общем. – Теперь Левенец покраснел.

– Об этом я ему сообщил, – сказал, словно оглушил громом, Струге. – И уже не два случая закончились смертельным исходом, а три. Вчера в больнице умерла женщина. Левенец, не имейте привычки выдавать чужое за свое и желаемое за действительное. Это кратчайший путь к всеобщему презрению. Так что вас беспокоит в деле, которое вам отписали?

– Меня беспокоит то, что преступление совершено по той же схеме, по какой происходили предыдущие четырнадцать случаев. – Уязвленный до глубины души Левенец чувствовал, что к горлу подкатывает волна изжоги. Так его еще не унижал никто в жизни. – Но следствие не усматривает причинно-следственной связи между моим делом и четырнадцатью «темняками».

– А вы не задавались вопросом – почему? – Струге протянул руку к делу. – Давайте потратим оставшиеся десять минут хотя бы на поверхностное знакомство с потерпевшим и подсудимым...

Глава 2

Миша Решетуха, остановив свой «Опель-Вектра» у киоска, нажал кнопку на брелоке сигнализации и направился внутрь.

Этот «Опель» он приобрел год назад у переселенца из Дагестана, выплатив тому две трети от минимальной цены. На заднем стекле машины, как и положено, красовался знак «Глухой водитель» – желтый кружок с тремя черными точками. Завидев этот знак, все хищники дорог шарахались от германской иномарки Миши, как от чумной. После того как хозяин получил удар в лоб мощным кастетом, работницы киоска первое время думали, что, помимо уже имеющегося знака, оба стекла машины придется снабдить еще одним символом опасности для участников движения. Знаком «Водитель-инвалид». Однако обошлось. Он постоянно жаловался своим продавщицам на головные боли, но на самом деле боли уже давно прошли. На следующий после происшествия день. Впрочем, несмотря на притворное кряхтение и вялые движения, факт быстрого выздоровления Миши не остался незамеченным в среде его продавщиц. Им, как никому, было хорошо известно, что для того, чтобы убить хозяина, нужен подъемный кран или мощный таран. А то, что ему сунули в нос... Скорее всего, это разборки с «крышей», возглавляемой неким Локомотивом, которой Миша не смог вовре-

мя заплатить. И потом, после происшествия третья группа инвалидности Решетухи должна была трансформироваться во вторую, а это означало некий прорыв при получении очередных льгот для уплаты налогов с продаж. Так что Мише Решетухе не верили даже те, кто его хорошо знал, – свои же продавщицы. А других знакомых у потерпевшего в Тернове не было. Он появился в городе словно из другой Галактики.

Однако в обиду своих работниц Решетуха не давал и платил вовремя. Не в пример торгашам из соседних киосков...

– Как дела, красавица?! – проорал Миша, насмерть перепугав молоденькую девчонку. – Норма перекрыта?!

– Перекрыта, – ответила, сложив руки рупором, та. – На двадцать процентов выше вчерашнего дня.

– А?.. – Миша поморщился и наклонил голову.

– Вот хрен глухой... – прошептала девчушка и вдруг проорала: – Больше денег, говорю!! Больше, чем вчера!!

– Это хорошо! Персонал получает премию!! Раскрывай мощну, Вера, хозяин будет капусту рубить!

Снятие кассы продолжалось не более десяти минут. Еще столько же ушло на обычный инструктаж продавщицы и еще две минуты – на жалобы в области затылочной части головы. Закончив обычное для последней недели мероприятие, Миша проорал пожелание удачи и вышел вон. Сегодня удачный день, и он заслужил полноценный отдых. Товара в киоске хватит еще на два дня, девчонки дело знают, поэтому можно расслабиться. Плюс ко всему сегодня две встречи в

российской суперлиге по хоккею...

– Эх, черт!.. – воскликнул Миша, уже подъезжая к дому.

Он совсем забыл о пиве. А хоккей без пива все равно что чай без лимона. Развернув «Опель» на сто восемьдесят градусов, он въехал во двор одного из домов, в котором оказался коммерческий киоск.

Это хорошо, что он вовремя вспомнил. Хоть за километр от дома, но вспомнил! А рядом с домом найти пива просто невозможно. Нет рядом киосков, где торговали бы «Балтикой» или «Туборгом». Здесь же торгуют.

– Восемь «Туборга». – Миша полез в карман за туго набитым портмоне.

– У меня десять последних банок осталось, – пискнула из глубины киоска девушка. – Может, десять возьмете?

– Десять так десять, – буркнул Решетуха и бросил на прилавок три купюры по сотне. – Сдачи не надо.

Вот теперь можно ехать домой. Миша Решетуха больше всего в жизни любил три вещи. Деньги, хоккей и пиво. Он не помнил, чтобы за свою тридцатилетнюю жизнь хотя бы раз выпил водки. Водка дезориентирует социальную мощь человека на несколько дней и превращает его со временем в тупицу. Такого удовольствия Решетуха позволить себе не мог. Крайняя степень напряжения и внимания – вот основной козырь его жизни. Пиво лишь усиливает чувство самостоятельности и свободы.

А это работе не мешает.

– Вот, смотрите... – Склонившись над листами, Левенец дышал через плечо Струге ароматом «Рондо». – Тот же сценарий. Звонок в дверь, предъявление милицейского удостоверения, удар кастетом и обнос квартиры. Все так, как... Как вы рассказывали Николаеву.

Аромат «Рондо» хоть и не сближал этих мужчин, однако Антону Павловичу было гораздо приятнее чувствовать запах мяты, нежели свое табачное дыхание. Он прятал его от молодого судьи, сокрушаясь по поводу того, что не носит в кармане какие-нибудь пастилки. – Из вашего сценария, Левенец, выпадает одна важная деталь. Все потерпевшие, оставшиеся в живых, во весь голос заявляют о том, что перед ограблением, приблизительно за день-два до происшествия, их каждую ночь обзванивал странный человек. Хамил, угрожал распространением порочащих сведений – причем весьма обоснованных – и вешал трубку. Хозяева, чья психика была уже не в состоянии вынести подобного террора, обращались в милицию. В эту же ночь к ним приходил человек, представившийся сотрудником милиции, и говорил о том, что нужно срочно установить аппаратуру для прослушивания. И хозяева открывали. Впрочем, откуда вам было это знать? – Струге улыбнулся: – Ваш источник этого не знал, потому что я данному источнику не сообщил подробности. Вот так, господин Левенец, иногда бывает в мире сыска. Запускаешь в эфир шнягу для установления истины по делу, а потом твой же

агент приносит тебе твою же шнягу в качестве проверенной информации. Ладно, мы не сыщики и оперативной работой не занимаемся. Наше дело – судить, Павел Максимович, а потому не нужно устанавливать связь между явлениями, если это не входит в круг ваших обязанностей. Не хотите сменить форму одежды для работы в суде?

– А чем вам не нравится моя? – Левенец дернулся от столь резкого перехода. – Вряд ли можно найти лучше. Строгий черный костюм. Неужели нужен белый?

– Ну, если захотите спеть в процессе какие-нибудь куплеты, тогда можно и белый. А так – нет. Наденьте однотонный галстук с менее шокирующим рисунком и рубашку более демократичного цвета. – Струге захлопнул дело. – Вы неаккуратны в выборе одежды.

Левенец покраснел:

– Я очень аккуратен не только в выборе одежды! У меня даже все газеты в нише складываются одна к одной. Число к числу.

Струге хмыкнул и равнодушно пожал плечами:

– Пусть так. Сменим тему и вернемся к делу. Так о каком аналогичном сценарии может идти речь, если ваш потерпевший глухой?

– Ну и что? – растерялся Левенец.

– А то, что ему вряд ли мог звонить неизвестный и третиловать его по телефону. Я вообще сомневаюсь, что у вашего Решетухи в квартире установлен телефон. Зачем глухому

Решетухе телефон, Павел Максимович? Так что рассматривайте дело и не заботьтесь о том, что не входит в ваши функциональные обязанности.

Помолчав, Антон снова обратился к нему:

– Павел Максимович, если у вас возникают проблемы, я не прочь помочь вам. Только перед тем как ко мне идти, убедитесь, что ответа у вас действительно нет. И прекратите посылать своего секретаря за кофе и бутербродами. Она вам не денщик.

Левенец вывалился в коридор в состоянии полного отстоя. Самым странным было то, что чувство обиды за то, что его «отымели», не приходило. По всей видимости, гордыня не была главным качеством молодого судьи, и небольшая встряска дала его мыслям верный ход. Оказывается, не всякую отмашку со стороны Антона Павловича нужно воспринимать как проявление снобизма! Мужик-то, кажется, толковый.

И действительно, как в общий сценарий четырнадцати разбоев мог вписаться «его» случай, если Решетуха глухой? И как Левенец сам этого не заметил?

День первого очного знакомства с молодым судьей подходил к концу, и Антон стал собираться домой. К восемнадцати часам, то есть к тому времени, когда пришла пора покидать суд, Левенец вообще выпал из сознания Антона. Хлопот хватало и без этого желторотого судьи, нарядившегося,

как на божественный раут. Однако мысли о нем вернулись сразу же, едва Антон вышел на улицу. На скамье, под крыльцом, сидел Левенец и был совершенно поглощен изучением собственных ногтей.

– Холосты? – опередил своим вопросом Струге движение Павла Максимовича. – Поэтому некуда спешить. Нет?

Это «нет?» всех раздражало и вводило в состояние растерянности. С одной стороны, Струге как бы не соглашался с только что сказанным им же, но в этом случае заставлял собеседника мотивированно возражать.

– Когда это вы успели сменить галстук? – усмехнулся Струге, вновь не давая шансов Левенцу вставить слово. – На обеде?

– Отнюдь. У меня в суде гардероб.

Ни к чему не обязывающий разговор, прогулка по городу. И уже через четверть часа, переговорив все о том же, мешающем спокойно жить Левенцу деле, они остановились у дома с ателье на улице Вяземского.

– Для меня очень многое непонятно в этом деле, – признался Левенец. – Много. Андрушевич в два раза тоще меня, а Решетуха в три раза толще вас. Как первый мог раскрыть череп последнему?

Струге отвернулся. Левенец сейчас идет по его стопам. Но если отягощенный опытом Антон Павлович мог во имя правосудия иногда совершать странные поступки, то этот молодой парень, который далек от уголовщины, как небо от зем-

ли, при первой же попытке нестандартного подхода к делу мог с треском провалить свою карьеру. – Левенец, вы возмущались, когда Николаев ставил вас на рассмотрение уголовных дел? Вы хотя бы писк издали при этом?

Павел Максимович одернул куртку и нахмурил брови. Он, конечно, не спец в уголовщине, но и не дурак. Нет?

– Да! – вопреки всем ожиданиям ответил Струге. – Да, вы дурак, и прошу не обижаться на мою правду. Вы «цивилист», живой пример того, что не нужно ставить на уголовные дела парня, не разбирающегося в основных понятиях уголовного мира. Мало знать УК и УПК, Левенец. Вы никогда в жизни не поймете мотив преступления, если не сталкивались с ним воочию. Почему бы вам не попросить Николаева перевести вас на гражданские дела? Чтобы спасти вашу карьеру, я даже готов принять от вас это плевое дело. А?

– Нет.

Левенец был похож на ребенка, который безосновательно упрямится. Он стоял, провожая взглядом каждую машину, проезжающую мимо, и ежеминутно одергивал на себе куртку.

– Я понимаю, насколько уязвимы сейчас мои позиции, но... Я не откажусь от этого направления.

На лице Струге едва заметно дернулся мускул. Ответ ему понравился, но не пришлось по нраву упрямство, могущее привести к краху.

– Когда у вас первое заседание по этому делу?

– В будущий четверг.

– Иначе говоря, ни одну из сторон еще в глаза не видели?

– Так точно. – Левенец слегка расслабился. Вопрос Струге мог означать, что принятое Павлом Максимовичем решение не так уж бесперспективно. – А почему вы спрашиваете?

Струге сразу не ответил. Посмотрел куда-то в сторону и, привлекая внимание Левенца, указал на один из домов.

– Если вы еще никого не видели, значит, и вас никто не видел. Мы стоим рядом с домом, где произошел разбой Андрушевича в отношении Решетухи. Пойти к дому и поболтать со старушками вам никто запретить не может. В том числе и кодекс чести судьи. Просто идите и задайте вопросы, ответы на которые могут прояснить для вас то непонятное, о чем вы мне говорили. А завтра, если будет желание, найдите меня и поделитесь полученной информацией. Будет возможность – помогу чем смогу. Но не ищите меня в обед. Я веду собаку на прививку в ветеринарную клинику. – Покусав губу, он добавил: – И спрячьте под воротником свою белоснежную рубашку и черный галстук. Вы сейчас похожи на гробовщика и таким видом старух только отпугнете.

Развернувшись, Антон зашагал домой. Его дом находился в квартале от этого места. Не оборачиваясь, он поднял вверх руку и бросил: «До завтра!»

Он ушел, оставив Левенца посреди улицы. Это несколько унижительно, унижение порождает обиду и желание никогда больше не общаться с человеком, поступившим с тобой

таким образом. Однако, будучи человеком неглупым, Паша быстро сообразил: раз это не происходит, значит, Струге поступил пусть и своеобразно, но не обидно.

– Иначе, наверное, и быть не может, – заключил судья. – Был бы Струге обычным, он не был бы у всех на языке.

Перед ним был дом, в который предстояло войти. Но это было невозможно. Павел Максимович очень хорошо помнил присягу, которую произносил, вступая в должность судьи. В ней говорится, что судья обязан быть беспристрастным. Раз так, то как он может идти и вмешиваться в ход уже проведенного следствия? У него есть дело с результатами окончательного расследования, у подсудимых есть адвокаты, у обвинения есть прокурор. Это все, что необходимо судье для вынесения приговора. Ни шагу влево, ни шагу вправо от толстой папки, в которой сшиты листы протоколов, объяснений, характеристик и постановлений.

Вспомнились слова Кислицына. Перестрелки, обвинения, необъявленная война с председателем областного суда...

Нет, такое развитие событий не для Павла Максимовича. Через три года нужно идти в упомянутый областной суд утверждаться на пожизненное назначение судьей, а совершая такие поступки, можно не протянуть и года. Слухи о хитрости и каверзости Лукина бродят по судам, как призраки надвигающейся беды, а в Центральном суде они, кажется, наиболее видимы простому смертному взгляду. Нужно зарабатывать авторитет и деловую репутацию грамотного

судьи, но с поведенческими интересами, на которых настаивает Струге, можно заработать такую характеристику, что... Тогда, через три года, останется утешать себя лишь тем, что самая хорошая характеристика – это некролог.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Павел Максимович Левенец заторопился от дома, в который он едва не вошел. Вовремя остановиться и принять единственно верное решение – не это ли самое ценное качество настоящего судьи?

Глава 3

У Коли Рубакова в доме жила рысь. У Каршикова в пристроенном к коттеджу террариуме жили питон и две эфы. Даже у Вити Соломьянинова, чей авторитет никогда не поднимался выше городской канализации, у него, у Вити, которого никогда не приглашали на сходняки, в загородном доме резвился маленький медвежонок. У всех, кто мало-мальски так или иначе относился к правильным пацанам, были звери. У Якова Шебанина, второго по значимости человека в терновском криминальном мире, не было никого, кем он, пригласив братву в дом, мог бы похвастаться.

Рубрика «Братья наши меньшие» в терновской «Доске объявлений» была изучена Шебаниным от начала до конца. Животных предлагалось много, но все они были из прирученных, одомашненных, то есть не вызывавших уважения в рвущейся в глубину джунглей душе авторитета. Даже сам текст объявлений наталкивал на мысль, что ему хотят всучить какую-то тварь, которая может лишь тереться о ноги, попрошайнически урчать и дремать в углу квартиры на мягкой подстилке. Ну что это такое – «Отдам в добрые руки курильского бобтейла»? Само название «бобтейл» – нормальное, крутое. Однако если он может жить лишь в добрых руках, то какой это зверь? Так, кошка очередная. Были и толковые обявы. Например: «Продам бультерьера, суку». Но

не хватало, чтобы среди братвы пошел слушок, что он в своем доме пригрел суку. Да и сам Яша сук не переваривал еще с малолетства.

Лежа на диване и подергивая ногой в такт несущейся из динамиков «кенвуда» песне Элтона Джона, Яша пускал в потолок дымные кольца и размышлял над очевидной несправедливостью. У всех, как у людей, в доме животные. Причем не босяцкие пуделя да рыбки, а самые настоящие обитатели диких краев, в которые без проводника соваться просто неразумно. Один медведь Витька Соломы чего стоит. Сразу видно – братан слился кровью с природой, ему близок зов предков и налицо хищнические природные инстинкты. Если бы было не так, то Солома держал бы в доме хомячка или морскую свинку. А он содержит косолапого, следовательно, требует к себе заслуженного уважения. Полгода назад Валерьян Николаевич Полевых, держатель Птичьего рынка, предлагал Якову росомаху. Яков отказался, и ее тут же перехватил Алик Бабаев из «крымской» бригады.

– Мариш! – крикнул Яша в глубь спальни. Там, у туалетного столика, сидела жена и пыталась посредством применения свежей клубники и пакетиков чая уничтожить с лица следы вчерашнего празднования дня рождения сына Николая Рубакова, известного в городе, как Буденный. – Ты не помнишь, почему я от росомахи отказался?

– От чего??

– Да от росомахи! Мне ее Полевых за три штуки баксов

справить хотел.

– А... Ты тогда пьяный был. Слона требовал... Яш, у нас «Туборга» в холодильнике нет?

Шебанин не ответил. Он был настолько погружен в идею приобретения хищного зверя, что даже похмелье не могло нарушить ход его мыслей.

– Мариш, а у нас на Птичьем рынке дичь есть?

– Лучше на базаре купить. Там птица свежее. Сходи на кухню за пивом, а? Я ногти о банку боюсь поломать. Я вообще сегодня какая-то несуразная... Сегодня к Таньке Пашиной на свадьбу ехать, а у меня еще лицо не отошло...

– Короче, собирайся. – Яша вскочил с дивана и принялся натягивать джинсы. – По дороге пивка попьем.

– Куда? Я в таком виде!

– Да ты всегда в таком виде! – огрызнулся Шебанин. – Кончай прихериваться под Софи Лорен! На рынок едем. Птица, птица... На кой мне твоя птица? Посвежее... Мне страшнее нужно!

Пока жена одевалась, Яша быстро спустился на нулевой этаж, которым была занята подземная парковка дома, и выгнал на улицу красавец «Ягуар». Притормозив у подъезда, он вынул из кармана мобильный телефон и промурлыкал:

– Солнышко, ну, ты скоро?

Жена ответила, что уже завязывает на полусапожках шнурки. Когда после этого сообщения прошло пять минут, а она так и не появилась, Яша опустил стекло и заорал, уста-

вьясь в окна третьего этажа:

– Ты че, в натуре, как свидетель?! Может, тебя еще поискать сходить?!!

Через тридцать секунд Марина Шебанина была внизу.

Еще через четверть часа, когда часы на панели «Ягуара» показывали начало двенадцатого, Яша, косясь на жену из-под рассеченных в боксерских поединках бровей, подъехал к Терновскому птичьему рынку.

– Хватит пить, – посоветовал он, вынимая ключ из замка. – Вторую банку приканчиваешь. Мне тебя потом, у Пашиных, опять волоком таскать?

– Да ладно, ты! – бросила жена. – Раскудахтался... Ну и что ты покупать собрался? Сразу говорю – если обезьяну, выселю вас обоих за город. У моих знакомых в Серпухове маленькая мартышка вилки узлом завязала и стереосистему молотком разбила. Давай ужика купим? Я с ним играть буду.

– «Ужика», – передразнил, оскалившись, Яша. – Какого ужика? Тварь беспонтовую, которая даже укусить толком не может?! Да меня братва с твоим ужиком запоганит, как лоха!

– «Братва»! – не пожелала остаться в долгу Марина. – Я посмотрю, что твой Соломьянинов делать будет, когда его медведь вырастет и бабу затребует! Не дай бог твоему Соломе в тот момент к нему в клетку войти! Кто тут запоганенный останется, еще не ясно...

– Заткнись, дура! – окончательно вышел из себя Шебанин. – Закрой свой рот и не открывай его, пока от рынка не

отъедем! Поняла?

Мариша поняла. В такие моменты Яше лучше не перечить.

Выбор был. Миновав клетки с попугаями и банки с белыми мышами, Яша прошел в глубь рынка и оказался посреди жулья, приторговывающего животными редких видов. Первый же милицейский налет мог закончиться конфискацией дорогостоящих животных и пополнением Терновского зоопарка. Будущим хозяевам саламандр, оцелотов и койотов предлагались для просмотра фотографии, после чего ударившие по рукам партнеры ехали к месту содержания зверя. Там зверь осматривался, помещался в тару нового владельца и увозился на новое место жительства. Об этих сделках органы знали, но до сих пор не могли разыграть комбинацию наверняка. Чтобы привлечь к ответственности, нужны неоспоримые доказательства. Например, контрольная покупка какого-нибудь мангуста или тайского сурка. Однако продавцы животных разговаривали только с людьми, прибывшими к ним по рекомендации. А публично они продавали рыбок и корм для канареек. Была еще одна проблема. Станут ли опера из районного отдела заниматься спасением попавших в плен лемуру и сурикатов, если на территории «темняками» висят кражи и разбои? А прослыть оперативником, раскрывшим преступление, предусмотренное санкциями статьи Уголовного кодекса за жестокое обращение с животными или

контрабанду, не мечтает ни один опер в здравом уме.

Яшу знали все. Не только на рынке, но и в самом Тернове. Именно по этой причине в рекомендациях он не нуждался и разговаривал не полунамеками, а по-деловому.

– Какие звери есть?

Слушая ответы на свой вопрос, Яша чувствовал, как приближалось похмелье. Перечислялось и демонстрировалось все, что имелось в наличии. Все знали – если Яша Шебанин желает что-то купить, то вопрос не в деньгах, а в симпатиях.

Щенок гиены симпатий не вызвал. Увидев фото, Яша едва не содрогнулся от приступа рвоты.

– Убери эту собаку по-хорошему!.. Нет, и это не нравится... И это... А вот это что за дичь?

Перед Шебаниным красовалось изображение муравьеда.

– Не, где я ему муравьев в мае наберу?

Чувствуя, как начинает нестерпимо болеть голова, Яша снова покосился на жену. Та была в прекрасном расположении духа и, присев перед какими-то коробками, гладила котят.

– Короче, ничего толкового у вас нет, – отрезал Яша.

Он повернулся и, высматривая ближайший коммерческий киоск, стал выходить из рядов. Обрадовавшись решению мужа, Марина поспевала за ним.

– Слышь, черепаха есть.

Этот голос прозвучал для Шебанина, словно голос хирурга за секунду до выхода из наркоза.

– Чего?

Яша обернулся и увидел тридцатилетнего парня. Тот стоял на самом краю рядов и пальцем указывал на дно стоящего на земле аквариума.

– Черепаха, – повторил парень. – Таких нигде нет. Посмотри, какая морда у нее необычная. Клюв. И формы какие, а? Таких в Тернове нет ни у кого.

Яша почесал щеку. Действительно, таких черепах он ни у кого не видел. Овальный панцирь, вытянутые конечности... Потом она наверняка мало ест и причиняет минимум неудобств. Кстати...

– А что она хакает?

– Все.

– Что значит – все? – набычился огромный Шебанин. Привыкший разговаривать через губу, он мгновенно превратился в известного в Тернове «братка». – Это же не шакал!

– Травку, кузнечиков, рыбку... – выдавил продавец.

Яша решил черепаху приобрести, а потом уже думать, что с ней делать. В любом случае, пепельница из нее получится что надо.

– Сколько?

– Сто баксов, – скромно заявил парень.

Шебанин пошарил в карманах в поисках мелочи.

– Вот тебе пятьдесят и будь свободен.

Увидев, как тот резво исчез из его поля зрения, Яша понял, что переплатил. Однако покупкой остался доволен. По-

дойдя к ожидавшей окончания этого разговора жене, он показал ей черепаху:

– Во.

– Тебя, Шебанин, электричеством лечить нужно.

– Заткнись, дура. Иди травки какой прикупи. Побольше...

Пакет травки купи.

– Пива лучше попей. Где я тебе «траву» на рынке найду?!

– Да не «махорки», контуженная, а травы! Зеленой, свежей! Для черепахи!

Всю дорогу Мариша старалась держаться подальше от чудовища, которое за пятьдесят долларов купил ее муж. Черепаха имела в длину около тридцати сантиметров и внушала женщине отвращение. Эти вялые полумертвые шевеления конечностями вызывали у нее чувство неприятного холодка. Коробка стояла между сиденьями, и на каждый скрежет внутри ее Яша отзывался поощрительными восклицаниями:

– Видишь, какая сильная? Такой в Тернове ни у кого нет.

Только у меня. Медведю десять килограммов минтая нужно, а черепахе – что? Щепоть зелени. Кстати, покормить ее не мешало бы.

Прижав «Ягуар» к обочине дороги, Шебанин вытащил из-за сиденья мешок и зацепил пучок травы:

– Кушай.

Увидев перед собой пищу, черепаха медленно открыла пасть и потянулась...

Что произошло дальше, Яша понимал плохо. Ориентируясь на заторможенность рептилии, он, стора от желания посмотреть, как его эксклюзивное приобретение будет жевать траву, сунул ему зелень в пасть...

Пьющая рядом пиво Мариша, услышав дикий визг мужа, дернулась всем телом, и густая пена «Туборга» залила все ветровое стекло.

Яша Шебанин орал так, словно ему без анестезии вырезали паховую грыжу. Его вопль прорывался сквозь поднятые стекла машины и оглушал следующих по тротуару прохожих. Извиваясь всем телом, преступный авторитет орал, покрывался потом и держал перед своим носом обливающую кровью черепаху. Ее стальные челюсти, ухватив указательный палец Шебанина, раздавили плоть и теперь намертво вцепились в кость. Она висела в воздухе, прочно ухватив как раз ту *пищу*, которая ее интересовала. Безытересные для нее пучки зелени, прилипнув к крови на панцире, придавали картине живописный вид. Вяло перебирая конечностями, черепаха висела, и по ее обтекаемым формам скользили ручейки человеческой крови...

– Она жует!.. – округляя глаза, ревел Шебанин. – Она жует, гадина!!

Чем больше он прилагал усилий для того, чтобы вытащить палец из пасти черепахи, тем глубже захваченный палец уходил в ее нутро.

– Не дергай рукой!! – завизжала Маришка. – Иначе она

тебя всего засосет!! Садись на мое место!!

Картина не для слабонервных. Из черного «Ягуара» выскакивает на улицу мужик с цепью на шее и черепахой на пальце, материт весь свет и заскакивает на сиденье пассажира. Очерчивая округлость, асфальт окропляет кровь.

– Яша, где здесь ближайшая ветеринарная клиника?! – Маришка, водящая машину лучше мужа, стала постепенно приходить в себя. То ли пиво после бессонной ночи оказало на нее живительное воздействие, то ли вид пожираемого черепахой мужа заставлял соображать быстрее, но женщина мгновенно сообразила, что гнать нужно не к обычной больнице, а к учреждению, сотрудники которого могут правильно оценить ситуацию и оказать квалифицированную помощь. – Я вывеску у ТЮЗа видела! Поехали туда!!

Собственно, она уже ехала, не требуя ответов. Шебанин, находясь в состоянии болевого и психологического шока, был бледен как мел и, не отрываясь, смотрел на кровожадное существо, пожирающее его палец. К его горлу подкатился комок величиной с голову ребенка, но усилием воли он выдержал первый приступ.

Таких приступов было еще два или три. К концу поездки Яша уже совершенно ничего не соображал и лишь чувствовал, как отвратительные челюсти черепахи достали до кости фаланги его пальца. Мысль о том, что до полной ампутации осталось минуты две-три, заставила авторитета выскочить из машины сразу же, едва жена остановилась у огромной вы-

вески с нарисованным синим крестом.

– Пропустите, пропустите!! – кричала Мариша, торопясь по коридору и расталкивая посетителей.

Эти крики были совершенно излишни, так как хозяева морских свинок, кошек и собак, увидев мужика, мчащегося по коридору с чудовищем на пальце, сами освобождали проход, стараясь уберечь свою одежду от летящей во все стороны крови. И потом, было бы глупо ставить этого «братка» с цепью, напоминающей строгий собачий ошейник, в очередь. Это было бы бесчеловечно.

Яша ворвался в кабинет ветеринаров, когда там заканчивался прием. Крепкий мужик сидел на стуле у входа и тербил шерсть на холке огромной немецкой овчарки. Обследование пса, по всей видимости, закончилось, потому что врачи сидели расслабленно и переговаривались с хозяином собаки. Молодой парень в зеленом костюме писал какие-то рекомендации, а девушка, не в силах отвести умиленных глаз от красавца-«немца», улыбалась и называла собаку «хорошим мальчиком» и «лапочкой». Увидев ворвавшегося в кабинет сумасшедшего мужика с ужасным наростом на руке, «немец» вскочил и издал через намордник устрашающий рык.

– Сидеть! – негромко приказал ему хозяин, не сводя удивленных глаз с окровавленной черепахи.

– Господи, что случилось?! – заверещала молодая медичка.

– Его черепаха укусила!! – завизжала Мариша.

– Черт! – вырвалось из уст медика. – Это первый случай!

Ирина, набери кубик димедрола и дай скальпель!

Медичка послушно метнулась к стеклянному шкафу, но не удержалась от замечания:

– Саша, ей нельзя делать инъекцию! Боль может вызвать произвольное сжатие челюстей, и тогда она откусит палец!

Шебанин взревел:

– Штука баксов! Только снимите ее с меня!! Отрежьте ей голову!

– Как ей голову отрезать, если она ее втянула?! – вопил медик, держа черепаху на весу. Увидев, как Шебанин, уже не в силах терпеть боль, потянулся к столу, он немедленно вскрикнул: – Не смейте класть ее на панцирь! Оказавшись в нормальном состоянии, она затянет палец! Ей не отрезать голову еще и потому, что палец проник ей в горло на всю длину!..

Поняв, что спасения нет, Яша стал изрыгать неслыханные маты.

Собака в углу окончательно потеряла терпение и рычала, как заведенная. Вскочить и разобраться с мерзкой тварью, из которой торчали и шевелились лапы, ей мешало лишь требование хозяина сидеть.

Пока врачи решали, каким образом избавить пациента от черепахи, весь кабинет наполнился криками и стонами. И тут произошло неожиданное. Хозяин овчарки встал и, мягко

растолкав врачей, подошел к Яше.

– Иди сюда, – приказал он тоном, не терпящим возражений. – Клади ее спиной на стол.

– Нельзя!! – запротестовал медик.

– Клади, если хочешь в носу ковыряться! – еще жестче повторил мужчина.

Яше пришлось выбирать. С одной стороны – сильные в теории, но не могущие на практике содрать с его пальца черепуху врачи, с другой – «браток» в кожаных штанах, который, по всей видимости, лох в медицине, но спец по части быстрого принятия решений. Шебанин, всю свою жизнь ориентирующийся на второе, незамедлительно подошел к столу и, вытянув руку, уложил свою убийцу на спину.

Ни слова не говоря, мужчина привстал на носки и изо всех сил обрушил свой кулак на черепуху. Удар был такой силы, что панцирь треснул и вмялся в тело рептилии. Мгновенно вытянув лапы на всю длину, животное судорожно дернулось и разжало челюсти. Она распахнула пасть так широко, что, казалось, собирается вывернуть себя наизнанку...

Яша мгновенно выдернул палец.

– Блин!.. – взревел он. – На что это похоже?!!

«Это», именуемое в быту и профессиональной медицине «пальцем», было похоже на кусок сырого мяса, который за чем-то разодрали вилкой. Ужасные рваные раны, доходящие местами до кости, разошлись по всей его длине.

– Мы наложим вам тугую повязку! – метнувшись к шка-

фу, заявил медик. Было видно, что он испытывает непомерное счастье от того, что ситуация нормализовалась. – Но потом вам нужно срочно ехать в больницу! Господи, где вы нашли в Тернове каймановую черепаху?!

Мужчина, уже выходящий в коридор вместе с растревоженной овчаркой, остановился и снова прикрыл дверь.

– Брат! – взревел, обращаясь к нему, Шебанин. – Подожди минуту! Ты мне жизнь спас! Гадом буду, если не отблагодарю!

Он стоял и восклицал вполоборота к двери. Повернуться к спасителю лицом ему мешала девушка-медичка, наматывающая ему на руку бинт. Однако хозяин собаки обратился не к нему, а к врачу:

– Как, вы сказали, эта черепаха называется?..

– Каймановая... – вздохнул, вытирая со лба пот, парень. – Ума не приложу, где он ее здесь нашел. Да какая крупная... Упаси бог ей в пасть палец совать! Зажует, как «Дирол»! Это очень повезло, что он вовремя обратился – эти рептилии плотоядные, и челюсти у них приспособлены к тому, чтобы затягивать добычу внутрь себя. Вы видите эту морду, напоминающую клюв?

Да, мужчина видел. Теперь, когда кровожадное создание было умерщвлено, оно лежало на верхней части панциря, демонстрируя все свои прелести – хищные лапы, сухую, морщинистую кожу конечностей и огромную, перепачканную кровью пасть.

– Я в Тернове каймановых черепахах не видел, – между тем объяснял медик. – А в Питере месяц назад такое же создание откусило ребенку палец. Идиоты-родители, совершенно не понимая, кого несут в дом, подарили черепашку сыну. В результате – ампутация большого пальца, а на двух других порваны сухожилия...

– Может, хватит, а?! – взревел Шебанин, морщась от тугой повязки. – Брат, не уходи. Сейчас меня «лепилы» заматают...

Посмотрев на попутчицу потерпевшего, пьющую из банки пиво, мужчина с собакой молча вышел из кабинета.

– А что это вообще за твари? – просипел Яша, качнув головой в сторону деформированной рептилии.

– Каймановые черепахи обитают в бассейне Карибского моря. Питаются рыбой и иными живыми существами. Попав в неприемлемые для их проживания места, например в Тернов, разыскивают слезливых и добрых хозяев. Тем и живут...

– Купил, блин, тортилли... – бормотал Яков, торопясь к выходу и прижимая изувеченную руку к груди.

Повернувшись к жене, он покосился на посетителей и с угрожающей интонацией в голосе тихо произнес:

– Упаси тебя бог рассказать кому, что меня черепашка покусала...

Мариша допивала пиво, и ей было все равно. Муж всегда угрожал и иногда был необоснованно груб, но за все восемь лет супружества этот зловещий для города Тернова автори-

тет даже ни разу на нее не замахнулся. Понятия ему, видите ли, бабу не позволяют ударить. А иногда так хочется, как у нормальных людей, по роже получить... Вроде – обидно, но свои же люди. Так нет, не бьет...

– Я тебя знаю, – продолжал Яша, выходя на улицу. – Опять наберешься у Пашиных и начнешь по «голубой воде» языком мести! Оторву, блин, когда-нибудь этот язык!

Мариша знала, что не оторвет. Любит.

Мужик с кобелем стоял у крыльца клиники и курил. Яше это понравилось. Он не любил, когда люди махали на него рукой и уходили прочь, не закончив разговор. Собака уже успокоилась.

– Ну, спасибо, брат! – сказал, подходя, Шебанин. – Эти лекари еще полчаса смотрели бы, как меня черепаха пожирает, а потом вызвали бы «Скорую». Или труповозку. Слушай, у меня сегодня небольшие посиделки. Я тебя приглашаю, а?

Мужчина усмехнулся:

– Недосуг. Слушай, где такую кровожадную черепашку взял?

– А!.. – Яша хотел в ярости махнуть, но, вспомнив, что обе руки заняты, дернулся мощным телом. – Прикинь, хотел дома какую-нибудь несчастную зверушку приютить, чисто из человеческого сострадания...

Мариша улыбнулась и икнула, после чего Шебанин поторопился закончить рассказ:

– Короче, хотел собачку купить, но потом про мебель новую вспомнил. А тут черт какой-то подвернулся и говорит – «купи, блин, черепаху». Ты знаешь, она такая несчастная была, типа обиженная на несправедливость. Лапками шевелит, смотрит жалобно... Я и купил. За полста баксов. Сейчас бы мне этого пидорка с рынка увидеть, я бы... Ну, ничего, мне его быстро разыщут. Пойдем, посидим в кабачке?

Мужчина опять качнул головой:

– Не думаю, что это пойдет на пользу твоему реноме.

– Мент, что ли? – спросил Яша. – А мне это фиолетово. Ты мне жизнь спас.

– Нет, не мусор. Ты извини, я на самом деле занят. Я почему остался-то? Не для того, чтобы ты меня отблагодарил. Псу подышать нужно да кусты проинспектировать. И потом, если бы я в беду попал, ты что, не помог бы? А если бы у меня при этом денег на кабак не было? Одним словом, забыли.

Но Яков Шебанин был неумолим. Долги он помнил как чужие, так и свои. И привык их возвращать, чувствуя ответственность, либо забирать, ощущая полную правоту.

– Я тебя все равно найду, – немного расстроившись, что с ним не идут на контакт, заявил он. – И отблагодарю.

В его устах эта фраза прозвучала, как: «Я тебя хоть из-под земли достану и горло перережу».

Хозяин овчарки помедлил и отбросил в сторону сигарету.

– Береги руку, друг. – Щелкнув пальцами, он повернулся к псу: – Рольф, домой.

Глава 4

Первым посетителем в кабинете Струге утром следующего дня был не гражданин с жалобой, а Левенец Павел Максимович. Антон немного потеплел лицом – сегодня молодой отправитель правосудия был в сером костюме спокойного, ненасыщенного оттенка, серой, скромной рубашке и галстуке в полоску. Однако уступать своего он не собирался, поэтому весь гардероб по стоимости не был скромнее, чем все предыдущие.

Алиса, понимая, что намечается разговор, понятливо засобиравшись по своим делам – канцелярия, папки, повестки...

– Павел Максимович, вы мзду, часом, не берете?

– Как так?.. – изумился молодой судья.

Антон устало улыбнулся:

– Я вас вижу два месяца. За это время вы предъявили для всеобщего обозрения четыре костюма, за суммарную стоимость которых можно приобрести подержанный «Мерседес». Вот я и спрашиваю.

«Вот нуда...» – прошипел про себя Левенец и выдал еще более глупую фразу:

– Я взятку не беру, Антон Павлович. У меня папа в министерстве работает.

Хохот Струге был подтверждением того, что с объяснениями он поторопился.

– А папа-то откуда деньги берет?! – не унимался Антон. – У него же зарплата такая же, как и у вас! Ну, ладно... Я пошутил. Раз папа в министерстве, значит, все объяснимо. Вы меня о чем-то спросить хотели?

Левенец отметил, что каждый разговор со Струге начинается с его унижения, а вместо обиды, которая по всем законам логики должна ослепить его разум, появляется лишь смущение.

– Я все по тому же делу. Делу Решетухи. Я так и не сходил в тот адрес. Посчитал тогда за нарушение общепринятых правил. Вот так.

– Ваше право. А вопрос в чем состоит?

Левенец посчитал возможным сесть рядом и расстегнуть пиджак.

– Я никак не могу понять одной вещи. Почему из квартиры Михаила Решетухи была вынесена лишь часть ценностей. На видном месте остались золотые часы с гравировкой, например. Потом Решетуха заядлый нумизмат. У него огромная коллекция монет. Она также осталась лежать в тумбочке у телевизора, из которой были похищены деньги. А в мебельной «стенке» оказался нетронутым газовый пистолет. Такое впечатление, что с Решетухой поделились, а не обокрали.

Струге пожал плечами:

– Это говорит лишь о том, что у преступника все в порядке с головой и он профессионал своего дела. Все, что вы сейчас перечислили, либо номерное, либо уникальное. «Пале-

во», одним словом. Как только ты появишься в месте сбыта похищенного с именными «котлами» или коллекцией монет, от тебя сразу пойдут такие «блики», что у окружающих начнет рябить в глазах.

– А от золотой цепи весом в сто пятьдесят граммов с подвеской в виде иконы Богородицы «Неупиваемая чаша» блики не пойдут? – справился Левенец.

– «Неупиваемая чаша»? – Струге на мгновение растерялся. – Решетуха алкоголик, что ли?

Настал черед теряться Павлу Максимовичу. Похлопав ресницами, он спросил:

– Он вообще-то стоял на учете в наркологическом диспансере, если верить ответу на запрос следователя. Но с учета снят более пяти лет назад. А... А вы откуда знаете?

– Считается, что икона Божьей Матери «Неупиваемая чаша» излечивает от пьянства. – Антон задумался. – А что еще заявил Решетуха в качестве ущерба?

– Пять тысяч долларов, перстень, двадцать тысяч рублей. Да! Еще он сказал, что у него черепаху украли.

– Чего?! – Антон Павлович покривился так, словно вместо свежего, только что купленного молока ему в стакан из пакета вывалилась простокваша. – Черепаху?

– Да. Каймановую. Знаете, страшная такая.

– А вы ее видели?

– Нет...

– Тогда почему утверждаете, что она страшная?

– Каймановая. Значит, на крокодила похожа, – блистая логикой мышления, заявил Левенец.

– Интересно... Это очень интересно. – Антон закурил сигарету и посмотрел куда-то в сторону. – Только дам вам напоследок, Павел Максимович, еще один бесплатный совет. Если будете заниматься одним лишь делом, вылетите в отставку, как пробка из бутылки. У вас есть дело по обвинению некоего Андрушевича в разбое в отношении гражданина Решетухи. Вы приняли дело к производству?

– Да, но...

– Так рассматривайте его так быстро, как вам позволят участники процесса. И выносите приговор. И пусть он будет законным. А вечером зайдите, мы с вами поболтаем на одну тему. Значит, каймановая, говорите?

Едва за Левенцом закрылась дверь, Антон снял с телефона трубку. Это был штатный звонок. С прокурором Терновской транспортной прокуратуры Вадимом Пащенко Струге дружил с детства. Так уж получилось, что в эту тесную мужскую дружбу они никого не допускали.

– А я только с совещания вернулся, – сказал Пащенко. – Ты мне не звонил?

Уже почти закончив разговор, когда были перемыты кости всех имеющихся на повестке дня тем, Антон Павлович наконец спросил:

– Послушай, Вадик, у тебя много дел по контрабанде эк-

зотических животных?

– Есть несколько. У Пермякова как раз два сейчас в производстве. А почему интересуешься?

Пермяков – институтский друг обоих собеседников. Вместе учились, вместе работали в транспортной прокуратуре. Восемь лет назад пути-дороги трех однокашников разошлись. Струге оказался в суде, Пащенко занял место прокурора, а Сашка Пермяков остался «важнячить» под его началом.

– И кого непутевые, бессердечные, одержимые бесовщиной иноземцы перевозили в тайниках?

– А-а-а... – Чувствовалось, что Пащенко морщится, как от зубной боли. – Там каждой твари по паре. Змеи в основном. Из Туркмении. Да пара скунсов. Пермяков по незнанию, когда осматривал этих омерзительных дристунов, приблизился и... Короче, неделю потом себя с ног до головы обнюхивал. Говорили же контрабандисты – не лезь, не уточняй их пол, поверь на слово... Пермяков не поверил.

– А черепахи есть?

Нет, черепах не было. Пащенко это помнил точно, потому что еще полгода назад он разыскивал одну из них на Терновском птичьем рынке для племянника. Пащенко там очень хорошо знали в лицо, поэтому все попрятали, а племянник довольствовался синим резиновым мячиком.

– Они, негодяи, торгуют там незаконно! – пояснил Вадим. – Везут зверье вагонами, без прививок, без осмотра, со-

держат в таких условиях, что эсэсовцы рядом не стояли. Но черепах, тем более каймановых, я не видел. – Подумав, добавил: – Я их вообще в жизни не видел. Саламандру, которую Пермяков оформлял в зоопарк, видел. А каймановую черепаху... Она красивая, Струге? Может, племяшу подыскать?

– Он тебе что, дорогу перешел? Или денег занял, да не отдал?

Пришлось объяснить.

– Так ты говоришь, данные того покусанного «братка» в журнале ветеринарной клиники остались? – вкрадчиво поинтересовался Пащенко, дослушав рассказ друга до конца.

– Я сам видел, как его оформляли. Как жертву. Он, кстати, найти меня пообещал.

– Обещал, значит, найдет, – уверенно заявил прокурор.

Так оно и вышло. В конце рабочего дня, около четырех часов, когда Алиса, почувствовав скорую свободу, стала расковырять пачки дел в сейф, дверь в кабинет Струге отворилась, и в проеме показалось огромное тело. Яша Шебанин напоминал боксера-тяжеловеса, которому Майк Тайсон прокусил перчатку. Его рука покоилась на груди, подвешенная к шее на пестрой косынке.

– Это... Разрешите? В смысле, войти можно? Можно ненадолго оторвать вас от дел?

Было очевидно, что терновский авторитет давал себе отчет, к кому пришел в гости и с кем разговаривал.

Струге качнул головой:

– Вы три раза спросили об одном и том же. Хотя могли и не спрашивать. По японской философии я теперь отвечаю за всю оставшуюся вашу жизнь.

Довольный радушным, без официоза, приемом, Шебанин вошел в кабинет и присел на стул. Впрочем, выражение «присел» в данном случае было вряд ли уместно. По привычке садиться так, как бог на душу положит, Яша занял два стула из пяти, стоящих у стены.

– Это как? – спросил он, крайне заинтересованный японской философией.

– Мыслители Страны восходящего солнца утверждают, что, единожды спасши чужую жизнь, человек взял на себя обязательство беречь ее до конца. До конца своей или той, спасенной.

– Вы же говорили – японцы? – уточнил Яша. – Какого же солнца?

– Правильно. Корея – Страна утренней свежести. Китай – Поднебесная. Голландия – Страна тюльпанов. А Япония – Страна восходящего солнца.

– Клево, – признал Шебанин. – А у нашей страны какое в мире погоняло?

– Российская Федерация, Яков Семенович, Российская Федерация...

Шебанин на секунду замер.

– А откуда вы мое имя знаете?

– Его ваша спутница назвала, когда вы в клинике пытались рептилию с пальца стряхнуть. Вы же на приеме были, а такие моменты мимо пера медиков не проходят.

Яша покорно вздохнул. Об этом он как-то не подумал. Нужно будет сегодня же поехать в ветеринарную клинику и выдрать из их журнала лист со своими данными. Негоже, когда среди побывавших на осмотре и лечении Пушков, Шариков и Хавроний будет значиться – «Шебанин».

– Я че приехал-то... Типа, чисто отблагодарить хочу. По человеческим понятиям.

– Бросьте. – Струге подошел к окну, распахнул форточку и выложил на стол сигареты. Все в суде знали, что, несмотря на запрет, Антон Павлович в кабинете покуривает. Знал это и Николаев. И смирялся всякий раз, едва, проходя мимо кабинета Струге, улавливал своим тонким нюхом сигаретный дымок. – Это лишнее. Я оценил вашу благодарность еще вчера. Так что на этом и закончим.

– Не, это будет не по-человечески. – Яша боднул головой, как телок-однолеток. – Я долги привык отдавать.

– Я вас в них не вгонял. – Струге усмехнулся.

– Короче... – Шебанин легко, несмотря на свой вес, поднялся и подошел к столу. – Она у подъезда вашего дома стоит. Чтобы, типа, косяков не было, я сразу на вас оформил.

Антон уперся в столешницу руками и устремил взгляд на пачку документов и лежащую на них маленькую связку ключей с эмблемой «Ауди».

– «А4», – добродушно пояснил Яша. – Черная, как «воронок». Как раз для суда.

Струге понял, что этот разговор нужно заканчивать сразу и по возможности мягко.

– У меня просьба другого характера. Обещаете, что вместо предложенного дадите мне то, что я попрошу?

Яша секунду подумал. Если мужик отмахивается от тачки, которая стоит сорок тысяч долларов, то что он попросит, от нее отказавшись? Однако Шебанину не хотелось, чтобы слух пошел о нем как о человеке, не способном отблагодарить за спасение жизни. Пусть это будет стоить даже сотню тонн баксов, он эту просьбу выполнит. В конце концов, потом с этим рефери можно будет решать любые вопросы.

– Конечно, конечно. Я обещаю.

– Хорошо. – Судья улыбнулся. – Расскажите, как выглядел тот продавец черепашки. У меня сестра каймановыми черепахами бредит. Может, вам это будет неприятно слышать, но я хочу такую купить.

– Купить сестре?!!

– Она зоолог, поэтому пальцы совать ей в рот не будет.

Яша вздохнул:

– Как выглядел? Маленький, конопатый, пегий какой-то. Глазенки такие быстрые, как цветомузыка... В куртке кожаной, китайской, кроссовках. Хотя зачем я вам это рассказываю? До завтрашнего утра мои пацаны этого зоолога найдут, и я вам позвоню. Заодно и рассчитаемся. Он вам и подарит

черепашек. Всех, кому не хватает места для присоса на его теле.

– Вот это уже другой разговор. – Антон развел руками. – Я очень хочу поговорить с этим... Как вы его назвали в нашу первую встречу?

Яша, в свойственной ему манере отвечать за базар и взвешивать каждое слово, опять задумался. Однако вспомнил.

– Пидорком.

– Да, я очень хочу встретиться с этим молодым человеком. С живым.

– А «аудеха» что же?

– Мы же договорились. Угоните машину от моего подъезда, пока ее другие правильные пацаны не угнали.

Шебанин кряхтя поднялся.

– Да как другие угонят, если мои сторожат?..

Выходя из кабинета судьи, Яша вспомнил, что, помимо ветеринарной клиники, нужно будет посетить еще и горбольницу, где ему делали перевязку. Слухами земля полнится, и будет неприятно, если до авторитетных людей дойдет информация, что на уважаемого в городе Якова Шебанина напала и искусала тридцатисантиметровая черепашка. Там никто разбираться не будет – ниндзя эта черепашка или не ниндзя. Скажут, Яша братьев меньших боится.

Глава 5

Разговор со Струге Павла Максимовича немного успокоил. Левенец уже давно отметил, что Антон Павлович имеет четкий ответ на все возникающие вопросы и может все резонно обосновать.

«У Струге все просто. Однако другим давать советы легче, нежели решать свои дела. Вот и у него, говорят, с личным – «привет». Несмотря на все обаяние Антона Павловича, его жену на крючок брали? Брали. И не побоялись. Значит, не всегда так уж правильно поступает этот человек. Ну а стрельба в городе по движущимся целям? Кстати, не мешало бы выяснить, что это за передряга была...»

Левенец был из тех людей, которые, принимая важное решение, не находят себе места до тех пор, пока не познакомятся со всеми деталями дела. Но у него не было опыта, он не имел представления ни о способах совершения преступлений, ни о мотивации поступков уголовников. Перед ним по одну сторону стола находилось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, по другую – человек, судьбу которого он в течение ближайшего времени должен был определить. Сначала это казалось простым и нормальным. Мало ли судей, которые пришли в суд и стали рассматривать уголовные дела, не имея в этой области никаких практических знаний? Есть законодательство, а его Левенец знал

очень хорошо. Однако вскоре он убедился в том, что для принятия верного решения и вынесения законного и справедливого приговора одного знания закона недостаточно. До прихода в суд он имел твердое убеждение в том, что судья не обязан ни перед кем отчитываться за принятое им решение. И никто не вправе укорить его за приговор, если другим приговором не установлено, что Левенец объявил заведомо неправосудный приговор.

Но вскоре он попал в затруднение и здесь. Его на самом деле никто не корил. Однако он потерял сон, аппетит и доброе расположение духа. Оказывается, есть тот, кто может тебя постоянно терзать и спрашивать – «Мил человек, ты за что так парня угрел?». Это было наваждением. Левенец боролся с самим собой и с тем обвинителем, что сидел внутри его. Струге не зря спрашивал, не хочет ли Павел Максимович перейти на рассмотрение гражданских дел. Он знал, что говорил. Тогда это вызвало у Паши обиду, а сейчас до него стал доходить истинный смысл тех слов. А если не заладится дело и в уголовной коллегии? А ведь уже через два с половиной года нужно будет идти на пожизненное утверждение... И что там, на коллегии, скажет Николаев? Что он не справился с уголовными делами и перешел на гражданские? А теперь у него и на этом поприще не все гладко? Отмены имеют место быть, жалобы зачастили... Как опускают на коллегиях судей, Павлу Максимовичу рассказывать было не нужно. Решение этого коллектива из двадцати одного человека

зависит лишь от кивка головы председателя областного суда Лукина да председателя квалификационной коллегии. А те лохи, в количестве семи человек, которые от общественности, ну... Они просто лохи! И набирались они в коллегию не по заслугам и социальной значимости, а по выбору Лукина Игоря Матвеевича, который скорее согласится, чтобы его в неможном состоянии вынесли из суда, нежели добровольно уйдет в отставку по возрасту. Старичку уже под семьдесят, и налицо маразматические проявления, ан нет, добровольно он не уйдет. Ему мало обеспеченного остатка жизни. Ему нужна власть. И, среди прочего, для того, чтобы давить таких, как Струге...

Произнеся про себя последние слова, Левенец испугался. Чего это он так разошелся?.. И кто это в нем говорит? Тот самый, что будит по ночам и язвит в отношении оглашенного намерения приговора?

«Мать моя, кажется, у меня все признаки мании преследования. Не о том ли говорил Струге?»

Паша уже догадался, что дело Андрушевича, с его виртуозными разбоями, заинтересовало Антона Павловича. Разбирая ситуацию, Левенец поймал себя на мысли, что пытается найти причины, из-за которых банальный разбой с причинением вреда здоровью стал интересен Струге. Немного поковырявшись в себе и в том коротком промежутке времени, что был ему дан судьбой для знакомства со Струге, Левенец сделал один-единственный, но верный вывод. Струге

дело интересно потому, что он в нем ничего не понимает. А раз так, значит, не все в этом деле правильно. Выходит, не все так просто, как казалось на первый взгляд. «Принимай решение и выноси приговор, – сказал Струге. – И пусть он будет законным. Если будешь сидеть над одним делом – «сольешь» себя в отставку».

И тут же – «Вы просили Николаева, чтобы он перевел вас на гражданские дела?».

С одной стороны, Струге советует быстро разбирать дело всеми позволяющими законом способами, а с другой – просит уйти с уголовных дел. Значит, он определяет дело Андрушевича как сложное и неразрешимое для него, Левенца. Если верить Кислицыну, Струге – тот судья, что не пройдет мимо любого дела, которое пахнет тухлятинкой. Антон Павлович имеет привычку находить места захоронения такой падали и выкапывать ее наружу, хотя грамотный судья либо навалит на это место еще больше земли, чтобы не пахло, либо будет держаться от этой тухлятинки подальше.

«Может, у него комсомольское прошлое? – спросил себя как-то раз Левенец. – Возможно, у него все продолжается бой и сердцу тревожно в груди?»

Он выведал всю подноготную Антона Павловича. Девочка-секретарь из Судебного департамента оказалась на редкость сговорчивой. Она-то и рассказала Левенцу «житие» Струге. Комсомолом тут и не пахло. Служил в погранвойсках, учился на юрфаке Терновского института, работал в

прокуратуре, а потом перешел на службу в суд. Одиннадцать служебных проверок, одна отставка. Потом новое назначение и еще четыре служебные проверки. Все пятнадцать заключений о проверках заканчиваются фразами – «Фактов, порочащих высокое звание судьи и умаляющих значение судебной власти, в поступках Струге А.П. не обнаружено».

Решив поставить на этом точку, Левенец пришел в себя и убедился в том, что ноги сами собой привели его туда, куда Струге советовал идти еще два дня назад. К дому Решетухи. Прикусив губу, Паша остановился. Он судья, и идти в дом с расспросами, касающимися уголовного дела, ему воспрещено. Повспоминав все законодательство в этой части, Левенец вдруг понял, что законодатель, обговаривая вопросы беспристрастности и справедливости при принятии судьей решения, скромно умолчал о том, на чем настаивал Антон Павлович. Левенец вправе принимать решение лишь в рамках уголовного дела, однако никто не может запретить ему выяснить то, что его волнует. Пусть это не будет звучать в суде, но есть надежда на то, что тот маразматик и нуда, что будит его по ночам, наконец-то уgomонится и отвалит.

– А-а-а!... – обреченно махнул Паша рукой и смело вошел в подъезд Миши Решетухи.

Понимая, что оставлять свою «фотокарточку» перед теми, кто вскоре появится в процессе, нельзя никоим образом, Левенец направился к двери соседней квартиры. Старая, об-

шарпанная дверь, дерматин которой прибивался лет тридцать назад. Уже протянув палец к звонку, Паша вздрогнул. Он настолько был взволнован новой для себя ролью, что звонок его мобильного телефона в кармане прозвучал как божий знак.

Лихорадочно лапая трубку и отходя от двери на межэтажный лестничный пролет, Паша перевел дыхание.

– Да... Говорите.

– Выйди из подъезда.

– Хорошо, – сразу согласился Левенец.

Препираться он не стал. Более того, он даже не удивился, услышав этот голос. Словно ему позвонил корешок, который стоял на улице на шухере. Спускаясь вниз, Паша глотал жидкую слюну и пытался вычленить из произошедшего хотя бы одно рациональное зерно. Что происходит? И какого ляда ему звонит Струге?! И откуда этот судья с багажом в пятнадцать служебных проверок может знать, что Левенец вошел в какой-то подъезд?!

Вопросы простые, но Паша находился в таком трансе, что ответы на них у молодого судьи нашлись лишь тогда, когда он, распахнув кривую, ужасно скрипящую дверь подъезда, вывалился на улицу.

На лавке, в тридцати метрах от подъезда, сидел Антон Павлович, жевал семечки и держал в пальцах дымящуюся сигарету...

Струге сидел и едва заметно улыбался. Он, словно опыт-

ный, выдавший виды ученый-кибернетик, смотрел на молодого судью, словно на выпускника техникума. Он продолжал молчать даже тогда, когда Левенец, который никак не мог прийти в себя, стал зачем-то шарить по карманам, выгребать оттуда мелочь и перекладывать в другие карманы.

– Что, Паша, «меня мое сердце в тревожную даль зовет»?

Левенец, еще недавно проворачивающий в голове строки из этой песни, залился густой краской. Ему стало совсем не по себе, когда Струге расхохотался. Он хохотал так нагло и беззастенчиво, не стесняясь ни присутствия коллеги, ни раскрытых окон дома, что Паша рассвирепел.

– Вы... Вы издеваетесь!! Вы...

Он путался в словах, приняв решение уйти и презирать Струге сразу после того, как выскажет все, что о нем думает.

– Я верил в вас, поэтому сюда и пришел!.. А сейчас вас разрывает от хохота! Вас просто распирает от смеха, глядя, как я, дурак, приперся к этому дому и, по вашему совету, направился разговаривать с людьми! Вы меня... Так молодых солдат «дембеля» имеют!

Паша вспомнил, как его, «салагу», служившего на флоте, на крейсере «Камчатка», на четвертый день службы во время рейда приколот один из матросов-«дедов». «Подойди, – сказал он, – к мичману и забери у него ключи от крейсера. Хватит, блин, стоять на якоре. Пора в море...» Справедливости ради надо заметить, что Левенец, под свой «дембель», все-таки отыгрался. Он послал такого же, как он, два года

назад, «салагу» к боцману за белыми парадными ремнями для гранатометов. Информация о том, что с гранатометами на парад не ходят и потом на флоте их просто не может быть, для «салаги» была таким же откровением, как когда-то информация для Левенца о том, крейсер «Камчатка» не 412-й «Москвич».

И сейчас, глядя на успокоившегося, но продолжающего улыбаться Струге, Паша чувствовал, как ему обидно. Пусть он «салага» в судейском мире. Но он же, черт побери... СУДЬЯ!..

– Садись. – Антон Павлович кивнул на свободную половину лавки.

– Я с вами на одном поле... не сяду!

Струге вздохнул и отбросил в сторону сигарету.

– Ты меня не понял, Паша. – Он посмотрел на Левенца снизу вверх. – Я сюда не посмеяться над тобой пришел.

– Правда? А что тогда вызвало такое веселье? Конфетку в кармане нашли?!

Антон взял Левенца за рукав и силой усадил рядом с собой.

– Я сюда уже второй день прихожу. Сегодня решил – если Павел Максимович не появится, то и мне с ним «ловить» нечего. Пусть с ним «ловит» Кислицын. А рассмеялся потому, что ты мне поверил, но с первых же минут после того, как переломал себя, стал ошибаться. Какого хрена ты полез в подъезд потерпевшего Решетухи?

– А куда лезть? – глупо спросил Паша.

– Ну, «засветишься» ты перед всеми соседями, они же – свидетели по делу, а как дело рассматривать будешь? Тебе адвокат Андрушевича, который уже через минуту поймет, в чем дело, влупит самоотвод.

Паша молчал. Хотелось злиться и обижаться, хотелось порвать Струге в клочья, но гнев уже уходил. И ушел так же быстро, как появился. Одно упоминание о том, что Струге ждет его у этого дома второй день, сразу подкупило молодого судью.

– Решетуха глухой?

– Глухой, – спокойно подтвердил Левенец.

– Соседи в его подъезде говорят, что он им спать мешал своими криками и телевизором?

– Говорят.

– Тогда, Паша, эти же самые звуки беспокоят и соседей смежного подъезда, правильно? Тех соседей, которые не значатся в материалах уголовного дела как свидетели и, значит, никогда не столкнутся с тобой в суде. Верно?

Левенец пожал плечами. Куда уж тут вернее?..

– Если потом разговор между жителями случится, то все сойдется на том, что приходил милиционер. Не судья же, правильно? Что, судья идиот, что ли?

Последнее замечание несколько задело, однако Левенец, уже испытавший большее потрясение, промолчал.

– Кто живет в смежной квартире с Решетухой, но в сосед-

нем подъезде?

Выждав, Струге усмехнулся:

– Пошли... Попелков там проживает. Геннадий Олегович. Славен тем, что на ходу вскрывал вагоны, выбрасывал добро на пути, а его команда подбирала и уносила.

– Откуда вы это знаете?

– Так телефон же есть, Паша.

Увидев, что Струге ведет его не к подъезду, а от дома, он голосом заложника спросил:

– А... куда мы идем?

– В кафе. – Шагая по улице, Струге бросал на прохожих косые взгляды. – Тут, в соседнем квартале, есть одно уютное заведение. Можно поговорить и пива попить.

Заметив встревоженный взгляд Павла Максимовича, он отрезал:

– Там нас не узнают и потом не вспомнят. А по квартирам не нужно шататься, Паша. Это я так тебе посоветовал... Посмотреть, насколько ты правильно меня понял.

– Посмотрели? – нахмурился Левенец.

– Посмотрел. И убедился в том, что ты меня абсолютно не понял по форме, но верно понял по существу.

Левенец запутался вконец. Больше всего ему сейчас хотелось на все плюнуть, уйти домой и встать под горячий душ.

– Я из пива только «Стелла Артуа» употребляю, – неожиданно для самого себя выпалил он.

– А я – только «Гессер», – ответил Струге. – Ну и что?

– Ничего.

– Ну и все. Тогда зачем об этом нужно было говорить?

– А вдруг там нет «Стелла Артуа»?

– Вот так и нужно было ставить вопрос. А «Стелла Артуа»

там есть.

Глава 6

– Познакомься, Павел Максимович. – Струге, подведя Левенца к столику, представил его мужчине, сидящему за бокалом пива. – Это Вадим Андреевич Пашенко, прокурор транспортной прокуратуры.

Закончив обмен рукопожатиями и разместившись за столиками, мужчины приняли выжидательную позицию. Прокурор что-то говорил официанту, а Струге искал в кармане зажигалку. Левенец сидел и ждал объяснений, зачем его сюда привели. Попить пива он мог и дома, не напрягаясь разговором с малознакомыми людьми.

– Транспортная прокуратура, Павел Максимович, – наконец-то начал разговор Струге, – среди прочих интересных дел занимается еще и расследованием преступлений, связанных с контрабандой.

Паша покосился на официанта, поставившего перед ним высокий бокал с пивом, и незаметно вздохнул. Антон Павлович продолжал:

– Одним из направлений, которыми занимается транспортная прокуратура в части контрабанды, является контрабанда редких животных. Признаться честно, я бы вряд ли стал вникать в суть вашего дела, если бы ваши интересы не пересекались в этой части с интересами Вадима Андреевича.

Левенцу показалось, что из всех троих, сидящих за сто-

лом, ясный разум присутствует лишь у него. Он почувствовал себя нормальным человеком, попавшим в компанию сумасшедших.

– Я не понял, Антон Павлович... У меня в производстве нет дела о контрабанде животных. Более того, у меня вообще нет дел о контрабанде. Вот такая ерунда...

Он стал тревожно всматриваться в лица собеседников.

Струге мягко улыбнулся и почесал переносицу:

– Вы говорили, что из квартиры Решетухи пропала каймановая черепаха. И мы это обсуждали, не так ли?

– Так.

– Так вот, вчера я эту черепашку убил.

– Можно я пойду домой?..

– Я объясню, – поспешил вклиниться в разговор Пашенко. – Мой следователь расследует целую серию преступлений, связанных с незаконным ввозом из-за рубежа экзотических животных. Они сейчас, Павел Максимович, очень дорого стоят. Цена высока, потому что спрос на них исключительно среди лиц с высоким уровнем достатка. Не нужно объяснять, что это за категория граждан. Так вот, допрошена масса лиц, изъяты десятки всевозможных тварей. И мы со Струге не спятили, приглашая вас на этот разговор. Эта беседа ни к чему вас не обязывает, и ее итогами вы вовсе не обязаны руководствоваться при рассмотрении своих дел. Однако есть нечто, что увязывает наши с вами интересы. Вам нужно вынести справедливый приговор, а мне – верно рас-

следовать дела. Чтобы долго не водить вас в тумане, я скажу лишь, что случаев ввоза в Тернов каймановых черепах не было. Специалисты легитимные и специалисты «черного рынка» уверяют, что ни разу не видели в нашем городе каймановых черепах. Исходя из информации по вашему делу, можно утверждать, что такой факт все же имел место быть. Потерпевший по вашему делу Решетуха утверждает, что, помимо прочих вещей, в результате разбоя из его квартиры пропала именно каймановая черепаха. Возможно, ваш потерпевший заблуждается относительно вида. Однако он дал показания, что звонок в дверь прозвучал в тот момент, когда он кормил черепаху рыбой. Это так?

– Ну, так. И что?

– А то, что обычные черепахи не плотоядны. С другой стороны, рыбу пользуют водные черепахи. Однако, насколько я понимаю, в данном случае речь идет не об аквариуме, а о террариуме. Так вот, очередная информация о каймановой черепахе появилась вчера. Антон Павлович, приведя своего Рольфа на прививку в ветеринарную клинику, стал свидетелем забавного случая. Милая тридцатисантиметровая черепашка едва не засосала в себя одного «нового русского». Некий образчик набоба с бандитским прошлым и настоящим. Впрочем, черепашка не слишком разборчива в социальных определениях, поэтому стала грызть первого, у кого хватило ума засунуть ей в пасть палец.

– И что из этого следует?

– В СИЗО под арестом находится некто Андрушевич, который обвиняется в разбойном нападении на квартиру гражданина Решетухи. И есть все основания полагать, что это не он продал черепаху криминальному авторитету Тернова по фамилии Шебанин, о котором я только что вел речь. Андрушевич два месяца в изоляторе, а черепашка приобретена Шебаниным вчерашним днем.

– Из этого все равно ничего не следует. – Паша поморщил лоб и дотянулся до бокала пива. – Черепаху Андрушевич мог продать, и после этого рептилию могли еще раз пятьдесят сбыть так же, как сбыли ее упомянутому вами Шебанину.

– Вы Андрушевича еще ни разу не видели, но вспомните, как его описывает Решетуха? Попробуйте сейчас воспроизвести по памяти описание Решетухой человека, который ударил его по голове каким-то предметом?

Это Павел Максимович мог сделать очень просто, содержание дела он помнил наизусть. Маленький человек, с острым носом, рябой, либо – веснушчатый, бегающие глаза, кожаная куртка, слаксы...

Пащенко качнул головой.

– Вот именно так и описывает покусанный Шебанин человека, который продал ему на рынке каймановую черепаху. Теперь второе. Как относится Андрушевич к обвинительному заключению?

– Он все отрицает. – Левенец донес пиво до губ и наконец-то смог удостовериться в том, что в бокале не «Стелла

Артуа», а банальное «Жигулевское». – И что в этом удивительного? Человек не хочет иметь перспективы отправиться в места лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет. Судебное следствие еще не началось, и многие моменты предстоит выяснить, однако на данный момент я совершенно определенно усматриваю две вещи. Первое – Андрушевич задержан по оперативной информации, и тому есть подтверждение. Второе – в квартире Андрушевича изъята золотая подвеска-икона «Неупиваемая чаша», которую опознал Решетуха как свою. Такие доказательства называются прямыми.

Наступила тишина. Вглядываясь в лица собеседников, Павел Максимович понял, что его речь не произвела на Струге и Пашенко должного впечатления. Антон Павлович равнодушно разглядывал на стене рекламные постеры «Битлз» начала семидесятых. Настоящие, не копии, они были взяты в рамки, под стекло, и для истинных ценителей являлись настоящим сокровищем. Именно по этой причине у входа сидел охранник и вяло рассматривал посетителей. Вяло, потому что сюда приходили лишь завсегдатаи, любящие спокойные компании, приглушенную музыку и предпочитающие пиво водке.

А Пашенко курил, и его взор был направлен в потолок.

– Вы знаете что-то, чего не знаю я? – отбросив сомнения, решился спросить Левенец.

– В общем, да, – сказал Струге. – Но это скорее не знания,

а догадки.

– И в чем они состоят?

– В том, что правосудие идет не той дорогой. Наверное, заблудилось...

Левенец упер взгляд в судью.

– То есть?

Ему показалось, что кое-кто лезет в кое-какие не свои дела.

Наверное, Струге понял этот взгляд...

– Павел Максимович, давайте на этом пока остановимся.

Это почти все, чем мы могли с вами поделиться. Складывается очень интересная ситуация. Вам нужно огласить законный приговор, а прокурору Пащенко необходимо, чтобы его следователи правильно расследовали свои дела и не поступили так, как с вами поступил следователь из районного отдела милиции, прислав в деле туфтовое обвинительное заключение. Что же касается меня... Скажу вам честно. Мне хочется помочь вам обоим, но по разным причинам. Вадим Андреевич мой друг детства, а вы ступили на опасную тропу.

Левенец шел по тротуару быстро потемневшей улицы и пытался разобраться в собственных чувствах. То ли кинули его сейчас на чем-то, то ли наградили? Кто знает... В голове смог, и непонятно, что явилось его причиной. То ли пиво, то ли разговор с двумя этими странными, но, безусловно, умными людьми. Кто знает...

– Что скажешь? – спросил Пашенко, едва за спиной Левенца закрылась дверь.

Антон пожал плечами:

– Трудно сейчас о чем-то говорить. У меня двойственные чувства. Я не знаю, как он поведет себя, если его начнут давить сверху. Вот тогда, Вадик, я на самом деле не знаю, как он поступит. Бесхребетник тут же определит Андрушевича на «строгач», и парень, пусть и не самый лучший в городе, будет мотать срок и звереть от несправедливости. Молодой судья со «стерженьком» будет распутывать дело в рамках следствия и предоставленных ментами данных, аккуратно лавируя между участниками процесса. В любом случае, друг Пашенко, Левенец сейчас «заряжен». Раз пришел к дому, значит, что-то в нем есть. Значит, есть и надежда...

В тот же вечер Яша Шебанин сидел в кресле и прижимал к груди искусанную руку. Раны гноились и ныли. Врачи в больнице сказали, что в пасти различного рода подобных тварей, которые иногда любят полакомиться мертвечинкой, скапливается трупный яд, что у них самих не вызывает даже кариеса. А вот их укус для человека может оказаться роковым. В качестве примера приводился дракон с острова Комодо. Черепашка, конечно, не дракон, однако весь ее вид указывал на то, что их основное меню составляют не одуванчики. Но кто знал, что она окажется настолько кровожадной?

Яша сидел в кресле, глотал кетанол и запивал его конья-

ком из расчета один стакан «Кишинэу» на одну таблетку. Боль не уходила так же упрямо, как и не приходило опьянение. Оставалось довольствоваться лишь тем, что высокая концентрация в крови спирта уничтожит последствия возможного проникновения туда же яда.

Каждые полчаса трещал телефон и Шебанин, яростно морщась, хватал трубку:

– Да?!

– Яш, пока тихо. Пацаны его нигде не нашли. Барыги с рынка его не знают, «шалашовки» с вокзала – тоже. Сейчас поехали по точкам сбыта «отравы».

– Ищите этого гада где хотите! – кричал Шебанин своим приближенным. – Если возникнут какие вопросы или с ментами нужно будет поболтать за информацию – я на телефоне. Не может быть, чтобы его никто не знал! Прозондируйте, у кого еще в Тернове могут тусоваться эти черепахи. Не ветром же эту тортилли сюда занесло! Выходите на таможду! Короче, работайте, блин!..

Каждый новый разговор отличался от предыдущего лишь указанием мест, которые были проверены людьми Шебанина. И по окончании каждого такого разговора Яша чувствовал, как накипает ярость и усиливается боль.

Мариша наблюдала за действиями мужа сначала, как обычно, спокойно. Потом же, когда почувствовала перемену в его настроении, встревожилась. Она очень хорошо знала Яшин характер и боялась лишь одного – что муж сорвется

и отправится на поиски сам. В этом случае предсказать его дальнейшие поступки очень трудно. Однако, что бы потом ни случилось, со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что это закончится очередным сроком. А значит, одиночеством, холодной постелью и скукой. Делить ложе с кем-то еще, в период временного отсутствия мужа, в том обществе, в котором стремительно вращался Яша, было не безопасно. В этом случае все закончится странной пропажей без вести интим-партнера, разбитым лицом ее, Марины, и выбросом ее, Марины, на улицу. Таких ошибок женам авторитетов не прощают. Поэтому – наверняка холодной постелью, наверняка... Справедливости ради нужно отметить, что в Тернове не нашлось еще ни одного сумасшедшего, который решил бы масляно улыбнуться ей в тот момент, когда Яша Шебанин «положенствовал» на очередном «строгаче». О том, чтобы улыбнуться в то время, когда Яша «положенствовал» в городе, вообще не могло быть речи.

Мужу становилось хуже с каждым часом, Марина это видела. Сначала она относила это за счет выпитой бутылки коньяку, потом, когда поняла, что алкогольный «приход» тут ни при чем, разволновалась не на шутку. Предложение вызвать «Скорую» решительно отвергалось, Яша мрачнел с каждой новой фразой и смог согласиться лишь на приглашение в дом старого домашнего врача, его тезку, Якова Моисеевича Виртмана. Тезке Шебанина было шестьдесят восемь лет, он имел медицинскую кандидатскую степень и хорошую

практику работы. После того как он отвращевал в хирургической клинике двадцать с лишним лет, он неожиданно ушел с насиженного места. Как раз в тот момент, когда должен был стать ее главным врачом. Всему виной был Яков Шебанин, предложивший Виртману степень «личного врача» и маленькую, но богато оснащенную частную клинику на окраине Тернова. С этого момента Яков Моисеевич штопал, резал, лечил от насморка и несварения желудка одного-единственного человека в городе – Якова Семеновича. Правда, работы было столько же, как в городской клинике, зато тут было проще. Слегка потревоженный бактериями туберкулеза, шитый-перешитый, однако продолжающий находиться в постоянной мощи организм Шебанина Яков Моисеевич знал лучше, чем собственный.

Он приехал ровно в час ночи. Сразу после того, как ему позвонила жена Шебанина и запросила срочной помощи. Яков Моисеевич вошел в дом в сопровождении охраны со своим кожаным саквояжем в тот момент, когда напольные часы в гостиной отбили один раз.

В кресле, перед недопитой бутылкой молдавского коньяку сидела Марина и глотала слезы.

– Лапочка, что случилось? – участливо, но привычно поинтересовался Виртман. – Догогая, не плачьте, это вечно для будущей мамы. Что же случилось? Где Яков Семенович?

Марина лишь махала руками и показывала куда-то в глубь темного окна.

– Уехал он, Моисеич, – наклонился к маленькому доктору один из охранников Шебанина. – Коньяку выпил и поехал по делам.

– А меня-то зачем вызвали? – удивился Яков Моисеевич.

– Ему черепаха руку зажевала. Каймановая. Только вы никому не говорите, иначе он замочит.

– Вот беда... – как-то невыразительно произнес Виртман и присел у столика рядом с Мариной. – И давно уехал?

– С четверть часа... – пытаюсь говорить сквозь всхлипы, объяснила Мариша. – Опять дел наделает!.. Он вообще спятил. Доктор, от укусов черепах с ума сходят?!

– От укусов чегепах?.. Знаете, милочка, за сожок лет моей пгактики... В общем, гану осмотгеть нужно.

Но осматривать рану было уже не у кого.

Глава 7

Четверг для Антона Павловича начался весьма необычно.

На коротком совещании, которое Николаев, председатель Центрального суда, обычно проводил в понедельник, руководитель высказал мысль о том, что в городе опять начался криминальный передел. На этот раз объектом дележа и пристального внимания организованных преступных группировок стал Терновский молокозавод. Сегодня ночью там взорвалась установка для пастеризации молока, сломался конвейер и одного из сотрудников, попавших под горячую руку беспредельщиков, зачем-то пытали, едва не утопив в агрегате с кефиром.

– Не энергетики ли это новые методы возврата долгов отработывают? – уточнил Кислицын. – Платить-то за электричество нужно вовремя. А топили-то кого? Директора?

– Нет, какого-то технолога.

– Может, он технологию приготовления ряженки нарушил и один из наших авторитетов почувствовал тяжесть в желудке? – продолжал выдвигать версии Игорь Пантелеевич.

Николаев, не обнаружив в рядах судейского коллектива ни жалости, ни возмущения, ни скорби, а только приглушенный смех, рассердился. Высказав пожелание «быть начеку», он объявил экстренное заседание закрытым. Почему судьям Центрального районного суда нужно быть начеку в

связи с купанием в кефире технолога молокозавода, Николаев не объяснил.

Следующим неожиданным событием для Струге был срыв процесса, назначенного на десять часов утра. Первый и единственный процесс на сегодняшний день, который должен был занять всю последующую неделю, прекратился, не начавшись. Уже в конвойном помещении суда с подсудимым случился сердечный приступ, и его пришлось в срочном порядке увозить в больницу для оказания помощи. После обширного инфаркта о продолжении судебного следствия не могло быть и речи. Жизненный парадокс – человек, совершивший на территории Тернова восемь грабежей, оказался слабым на сердце. Страх перед судом оказался настолько силен, что медики боролись за его жизнь.

Тем не менее такое начало судебного процесса было для Антона Павловича не ново. Гораздо неприятнее смотреть, когда инфаркт происходит у тебя на глазах, в зале суда. Было и такое.

День оказался свободен, а это означало, что остаток рабочего времени можно потратить на приведение в порядок других дел да заодно проконтролировать работу Алисы. Девушка старалась вовсю. После исторической «пропажи» дела, произошедшей всего месяц назад, она доказала Струге и всем остальным, что способна хранить верность и порядочность даже в те минуты, когда мир валится и рассыпается в прах.

Однако это не то необычное, что случилось с Антоном Павловичем в утро четверга, восьмого мая. Когда Алиса, довольная после проверки Струге дел, тихо напевая, укладывала дела в сейф, кабинетная дверь распахнулась, и на пороге материализовался Павел Максимович Левенец. Атласный черный цвет его мантии оттенял белое, как молоко, лицо. Либо контраст цветов сыграл свою роль, либо Левенцу на самом деле было плохо.

– Алиса, у нас в кабинете кофе есть? – спросил Антон, не сводя глаз с молодого судьи.

Алиса сказала, что утром она купить не успела, поэтому, если Антон Павлович не возражает, она сходит сейчас. При этом немного неприязненно глядя на Левенца, она состроила на лице гримаску – «Могли бы попросить, чтобы я вышла, и я бы вышла. Кажется, я уже проверенный боевой товарищ?!»

Тем не менее «проверенный боевой товарищ» свое место знал и никогда не пытался выйти за рамки отведенной роли. Глядя на деньги, протянутые Струге, она презрительно фыркнула и вышла вон. За «кофе».

Левенец присел на стул рядом со столом Антона.

– Антон Павлович, Решетуха пропал. У меня сегодня процесс по его делу, а он пропал.

– Что значит – пропал?

– Я к нему уже людей отправлял, а его нет.

– Паша, ты имеешь вид, словно у тебя Уголовно-процес-

суальный кодекс украли. – Струге сгрел со стола бумаги. – Так. Давай по порядку. Он повестку получил?

– Да. Месяц назад. Корешок о надлежащем уведомлении в деле.

– Хорошо. Что говорят люди, которых ты посылал?

– Они справились у соседей и узнали, что вот уже три дня, как из квартиры крикуна Миши Решетухи не доносится ни единого звука.

– Чем Решетуха живет?

– У него киоск коммерческий на Садовой.

– Ну! – Антон Павлович развел руками, словно увидел перед собой диво невиданное.

– Да были там уже... Девчонки-киоскерши сами волнуются. Кассу хозяин не снимает, «терку» с бандюками по поводу платы пропустил. Да еще участковый приходил интересовался, когда пакет забирать можно...

– Какой пакет? – опешил Струге.

Левенец вздохнул:

– С продуктами, мать его... – Произнеся это, он, позабыв, что Алиса вышла из кабинета, быстро обернулся. – А вы думаете, Антон Павлович, что жизнь представителя малого бизнеса легка? Если никому не платить, то так и разбогатеть недолго! А тут и до экономического дисбаланса недалеко...

– Ты просто социолог, Паша. Ладно. Откладывая дело по причине неявки в суд потерпевшего. Советую начать работу по его внештатному розыску, иначе... Знаешь, что произой-

дет?

– Андрушевича отпустят, и он снова начнет пробивать головы.

– Оценка «отлично». Но... Чем займется потом Андрушевич – это дело его и оперсостава ГУВД. А твоя забота – рассудить. Не «судить», Паша, а – «рассудить»! Вот и рассуждай. Когда поймешь, почему я рассуждаю, а не сужу, тогда не будешь сокрушаться по поводу того, что у судьи Струге пятнадцать служебных проверок, и все они заканчиваются для него благополучно. Еще раз будешь меня по инстанциям «пробивать» – вязы сверну. Это мой тебе дружеский совет, сыщик.

– Это давно было, Антон Павлович. – Левенец покраснел, словно ему на спину взвалили мешок картошки. – Но все равно, извините...

– Забыли. Отложи дело. Если Решетуха на следующий процесс не заявится, дело придется приостанавливать. Отложи на пару недель, если есть возможность. Только эти две недели не сиди на стуле, а головой работай. Искать Решетуху тебя никто не обязывает и не уполномочивает, однако если постоянно не трясти товарищей милиционеров, то вскоре Лукин начнет задавать тебе неприятные вопросы. У нас в областном суде так – «терпила» исчез, а фокусником объявляют районного судью. А все оттого, что дело затягивается, и показатели плохеют прямо на глазах. На глазах Игоря Матвеевича Лукина.

Левенец понял, что разговор исчерпан, однако уходить не собирался.

– Опять жуткие сомнения терзают мою душу. Зачем Андрушевич взял у Решетухи, помимо денег, золотой кулон в виде иконы? При этом Андрушевич в полном отказе, а сам потерпевший видел его лишь в «глазок». Открыв дверь, он прозрел лишь в больничной палате.

– А как сам Андрушевич поясняет факт обнаружения кулона в своей квартире?

– А как он еще может пояснять?! Кулон «оперсосы» подкинули, чтобы сейчас, пользуясь его непогашенной судимостью, «повесить» на него разбой и закрыть лет на двести! А оперативное дело, заведенное на него в ГУВД, – подстава «задним числом».

– Не преувеличивайте свои возможности, Павел Максимович... – Антон вздохнул и скользнул взглядом по лицу Левенца. – Двести лет... Значит, вы все-таки решили пересмотреть свой взгляд и обратиться к опыту старшего товарища?

– Не ерничайте, Антон Павлович. Вы знаете, что этот момент для меня важен, как никакой другой.

– Знаю. Поэтому и не собираюсь жалеть и сочувствовать. Хочешь услышать мое мнение?

Левенец хотел. Никто сейчас даже не догадывался, как Паша этого хотел.

– Пройдет два месяца, страсти улягутся. Решетуху разыщут и представят пред твои очи. Он, в свою очередь, посмотрит

рит на Андрушевича и скажет, что видит его впервые в жизни. У того, мол, в дверном «глазке», волосы были темнее и нос покруглее. А находящийся за решеткой гражданин ему не знаком. И вообще, у потерпевшего опять начались боли в голове и холодеют руки. Все, что тебе останется, это оправдать и выпнуть Андрушевича из здания суда в руки счастливых родных и близких. У него есть родные и близкие?

– Да, – ответил Левенец. – Мать, сестра и два брата. А еще дядька из Липецка приехал.

Струге мотнул головой:

– Вот в их руки и выпнешь.

– А что же произошло на самом деле? – Левенец находился в состоянии дикой депрессии.

– А произошло следующее. Пока твой Андрушевич парит зад на шконаре в СИЗО и шпилит в «буру» с сокамерниками, его мама, сестра и два брата принимают положение активной обороны и начинают прессовать Решетуху деньгами и прочими символами материального достатка. Возможно, даже пообещают отправить за рубеж, где ему восстановят слух. Адвокаты советуют тянуть время, и Миша Решетуха уезжает в Белокуруху подлечивать пробитую голову и восстанавливать нервы за счет сердобольных родителей твоего подсудимого. Когда минуют все отпущенные законом сроки, Андрушевича освобождают из следственного изолятора. И с этого момента он начинает проявлять крайнюю степень сознательности – ходит к тебе по первому звонку, старательно

отвешивает поклоны, называет тебя «Вашей Честью» и продолжает клясться в том, что к черепно-мозговой травме Решетухи имеет такое же отношение, как и к выстрелу «Авторы»...

Струге отпил из стакана выдохшуюся с утра минералку и продолжил:

– Потом появляется Решетуха, приходит к тебе и поясняет, что боялся возмездия преступников и поэтому скрывался у мамы в Оймяконе. При этом будет демонстрировать тебе коричневый загар и объяснять, что на севере солнце светит ярче. Да, это так. Солнце на самом деле на севере светит ярче. Но мы-то с вами, Павел Максимович, судьи опытные, бывшие следователи прокуратуры или милиции, да? Мы-то с одного только взгляда определяем, что предъявляемый потерпевшим загар имел место быть не на севере, а в Алтайском крае. Начинается процесс, и Миша, слезно шурясь, заявляет, что Андрушевич – не тот, кто ворвался в его квартиру. Гудит свисток, занавес падает, все аплодируют, судья бежит в ближайший киоск Решетухи за туалетной бумагой. Вопросы есть?

Вопросов не было. Точнее сказать, по мере того как говорил Струге, увеличивая силу своего голоса на каждом слове, они возникали в геометрической прогрессии, и к тому моменту, когда Антон Павлович закончил, их набралось уже около сотни. Однако, когда Струге, уже почти прокричав последние слова, замер и наклонился грудью к столу, Левенец

понял, что вопросы задавать бессмысленно.

Левенец встал и прошел к выходу.

– Я могу рассчитывать на вашу помощь?

– В любую минуту дня или ночи.

Отвернувшись от молодого судьи, Струге сосредоточил взгляд на пустой столешнице. Потом, словно спохватившись, придвинул на это место отстраненные в момент прибытия Левенца документы.

«Поможет», – уверенно произнес про себя Левенец, шагая по коридору.

До его назначения в суд этим кабинетом пользовались многие судьи. И у всех поначалу вызывал раздражение упрямый замок. Без навыков и твердой руки его невозможно было ни закрыть, ни открыть. Эта же проблема всякий раз вставала и перед Левенцом.

– Он обязательно поможет, теперь я это точно знаю, – прошептал Павел Максимович и одним движением открыл замок.

За восемь часов до описанных выше событий Яша Шебанин вырвался из своего дома в состоянии дикой ярости. Несмотря на все уговоры жены вернуться и дождаться Якова Моисеевича, он вскочил в «Мерседес», в котором уже сидело трое, и по-суворовски махнул в направлении закрытых ворот особняка. Что означает этот жест, подчиненные Якова Шебанина, имеющего в миру прицеп Локомотив, знали

очень хорошо. Этот жест всякий раз приводил их в отчаяние и впору было открывать подпольный тотализатор, чтобы ставить ставки и угадывать, на сколько лет органы опять «приземлят» Яшу и сколько человек в места лишения свободы он нечаянно захватит с собой.

Яков Шебанин был из тех людей, кто поднялся и стабилизировал свое финансовое положение в годы «приватизации». Пока правительство натягивало на ваучеры все население страны, Яша быстро разобрался в ситуации и стал натягивать на эту же тему не до конца разобравшуюся в смысле этой «приватизации» мэрию Тернова. Люди Шебанина стояли у любого места, где поневоле скапливался народ, – остановки, магазины, сберкассы – и скупали у обезумевшей публики бумажки с трудночитаемым, смахивающим на матерок словом – «ваучер». Денег Яша не жалел. Когда «ваучеризация» достигла своего апогея и бестолковые, социально дезориентированные граждане уж начали подавать в газеты объявления – «Поменяю однокомнатную + ваучер на двухкомнатную» – и при этом находили партнера для сделки, Яша понял, что момент истины настал. Завтра будет поздно, потому что долго безумие длиться не может. Скоро народ поймет, что «ваучеризация» – это не бесплатная раздача доплаты для улучшения жилищных условий российских граждан, а «лохотрон», при котором каждого российского гражданина правительство «разлохматило» на двадцать пять рублей наличными.

И час пробил. За неделю перед всеобщим разоблачением аферы вселенского масштаба Яша скупил в городе Тернове восемнадцать объектов недвижимости, куда вошли несколько магазинов, кинотеатров и недостроенных высотных домов, и увеличил свой капитал в пятьдесят с лишним раз.

Но были у Яши и проблемы. В большей степени – с законом. Перепив малую толику, он становился малоуправляем. Не привыкший, чтобы кто-то поступал против его воли, Яша Шибанин терял от гнева голову и превращался в Локомотива. Так оно и выходило. Когда Яша спокойно занимался вопросами улучшения благосостояния собственного и братвы, его звали по имени. Едва доносились слухи, что Шибанин был замечен в ресторане и его там недостаточно быстро обслужили, Яшу мгновенно переименовывали в Локомотива. Так он и жил с двумя именами, как с двойным гражданством. Некоторые из его проделок не оставались без пристального внимания оперативных органов УВД.

Первый раз Яша «сходил» в девяносто пятом за то, что в его «Синема-зал» зашли двое из бригады изгнанного впоследствии чеченца Малика и попросили администратора заплатить за «крышу». Эта фабула звучит глупо до тех пор, пока не объяснить суть произошедших событий. Яша – владелец «Синема-зала». Он же, понятно – его «крыша». Яша – «уважаемый» в городе человек.

То ли чеченцы не поняли, что такое «локомотив», то ли они вконец совесть потеряли, что впоследствии и было дока-

зано Великим побоищем на реке Терновке... Одним словом, чеченцы вошли в кинотеатр, избили администратора и постригли ее наголо. Последнее было самой большой, несправимой ошибкой. Без подобных цирюльных манипуляций все закончилось бы «стрелой» и мирным разводом. А так получилось, что какие-то грязные, беспредельные «чехи» вошли в дом Локомотива и побрили женщину, у которой тот периодически отправлял мужские естественные надобности.

В этот же день бригады Димы Мамаева и Локомотива, заручившись поддержкой еще ряда славянских братств, устроили в городе то, что обычно происходит, когда военачальник отдает город своему войску на три дня после его захвата. Единственным отличием явилось то, что объектом внимания славянского войска был не город, а та его часть, которая была «спальным» районом чеченских беспредельщиков. Два дня РУБОП и милиция общественной безопасности находились в состоянии крайней растерянности. Пока в штабе объединенной милицейской группировки разрабатывался план тушения внезапно вспыхнувшего пожара, с коммунального моста через Терновку падали, падали, падали и падали привезенные на него представители этнических преступных группировок. На берегу стоял взятый в аренду поп из храма и махал кадиллом. Тех, кто не хотел проходить обряд крещения... Собственно, никто не хотел, поэтому-то желания ни у кого и не спрашивали. Под горячую руку Локомотива, плохо разбирающегося в этнических нюансах, попа-

дали и узбеки, взятые с рынка от ящиков с абрикосами, и таджики, промышляющие на вокзалах попрошайничеством. Локомотив сказал – «черных», мы черных и брали, – объяснялись потом в кабинетах УБОПа участники обряда, помогавшие батюшке, – нам их сортировать некогда».

На следующий день город стал напоминать православный монашій скит. Даже индийцы, студенты Терновского университета, разобравшиеся в предмете спора, не выходили из общежития. Все бы обошлось, ибо на одних словах следствие, как и локомотив, не едет. Да вот беда – не успел Яша избавиться от охотничьего ножика, которым показывал с моста место падения иноверцев. Этим ножиком можно было валить кедры на Ангаре, но будь он хоть палашом самого имама Шамиля, больше двух лет из него не выдавишь.

Через два года Яша вернулся, а еще через год случилась форменная глупость. Когда в ресторане он уже успел выпить полторы бутылки «Арарата», какой-то северянин, не понимая, что делает, пригласил Маришу на танец. Охранники, не успевшие перехватить лесовика на подходе, побелели лицами, и было из-за чего. Вооружившись ножкой от стола, выломанной в тот момент, когда танцор даже еще не успел закончить приглашение, Шебанин медленно встал...

Тот, кто хоть раз в жизни видел автомобильные гонки и хоть раз выбивал на улице ковер, а также в состоянии совместить два этих процесса воедино, может легко представить, что происходило в ресторане в тот вечер. Поскольку двери

заведения задолго до эксцесса были закрыты на замки, а открывать их потом уже было как-то некогда, то нет необходимости объяснять, что лесовик догадался – его жизнь зависит от скорости его перемещения в замкнутом пространстве.

Когда потом командированного северянина увезли в травматологию и шили раны, Яшу увезли в райотдел и шили дело. «Злостное хулиганство» – это, конечно, не самая авторитетная статья для «уважаемого» человека. Но «вором» Яша никогда не был и на сходки их не ходил, поэтому-то ни перед кем и не отчитывался. Хотя, если и был бы, вряд ли сейчас потребовал кто-то у него отчета за путаницу в «мастях». То, что раньше «законникам» было делать «западло», сейчас практикуется повсеместно. Наркотики, ходьба на «дело» с оружием и необоснованные «мокрухи» среди нынешних воров – привычное дело. В «бакланской» ли статье Яшин вопрос?..

И сейчас, когда колонна из двух автомобилей – мчащегося на один из известных Локомотиву адресов «Мерседеса» и следующего чуть позади джипа «Патруль» – приближалась к Дому ученых, братва в машинах сидела и предсказывала возможные последствия этой поездки. В первой машине – молча, про себя, в джипе – вполголоса. Тема для обсуждения была. Во-первых, Яша пьян, во-вторых, он обижен неизвестным лицом. Неизвестное лицо продало Яше милую черепашку, которая его едва не сожрала.

Нет, не в сам Дом ученых мчались эти две машины. Не к академикам, решающим сложные вопросы, склонившись над микроскопом во втором часу ночи. Локомотив направлялся к дому, расположенному неподалеку. Там проживал человек, адрес которого полчаса назад Шебанин выяснил у одного из сотрудников среднего звена Терновской таможни. Просто взял и позвонил. В час ночи. Позвонил и спросил:

– Слышь, Волоха, а кто там у вас на примете из контрабандистов работает чисто по животным?

Майор таможенной службы по имени Волоха сказал, что интересующий Шебанина объект проживает в доме пятьдесят три по улице Чигорина, в пятнадцатой квартире. Виктор Петрович Желюбчик, человек, без ведома которого и без контроля которого в Тернов не попадает ни одна зверушка.

– А он не маленький такой, не веснушчатый, глаза у него не бегают? – мало надеясь на успех, спросил Шебанин.

Нет, Виктор Петрович был краснолиц, имел сто килограммов веса и глаза у него настолько выпуклы, что если бы бежали, то вывалились бы на асфальт.

Захватив с собой двоих людей, Яша, морщась от боли и прижимая к груди руку, вышел из «Мерседеса». Еще через минуту он уже нажимал кнопку звонка.

Гонг еще не затих, когда голос человека, который не оставлял сомнений в его весе, спросил:

– Кто там?

– «Зеленые», блин. Отдел по борьбе с незаконным оборо-

ТОМ ЖИВОТНЫХ.

Странно, но после этого заявления хозяин спокойно открыл дверь и впустил внутрь своей квартиры не самых миролюбивых жителей города Тернова...

Глава 8

– Первый вопрос, который у меня возник только что, это – с какой целью ты спрашиваешь – «Кто»?

Продолжая морщиться от боли, огромный Яша наклонился над толстячком и вперил свой взгляд ему в подбородок.

– Кто вы такие? – повысил голос человек, который, судя по совпавшим особым приметам, и являлся Виктором Петровичем.

– Я же сказал – «зеленые». А ты, если сейчас продолжишь задавать вопросы, вместо того чтобы давать на них ответы, станешь синим.

В голове толстяка произошла ошибка при расчетах.

– Позвоните Владимиру Игнатьевичу в таможду. Он майор, и у нас с ним хорошие отношения...

– Оперативные, да? – улыбнулся Яша, оголяя два ряда изделий из металлокерамики. – Ты что, идиот? – Он ткнул Желюбчика пальцем в живот. – Я сильно на мусора похож? Наверное, вот этим костюмом за штуку баксов, да? – Яша подергал себя за лацкан. – Или нет? Наверное, этим партакком! – Яша заголил здоровую руку, оттянув на себя рукав, и взгляду Виктора Петровича предстало незамысловатое тату – «Погон с воткнутым в него кинжалом». – Или ты не видишь, что на моем лбу написано – «Две судимости, и через минуту появится третья»?!

Подняв руку, Яша постучал, словно в дверь, не по своему лбу, а почему-то по лбу Виктора Петровича.

– Короче, хороняка, веди в дом и быстро освежай свою память. Она сейчас может оказать добрую услугу твоему организму.

Желюбчик влетел в комнату, не поспевая ногами за своим телом. Локомотив, войдя в зал, быстро окинул интерьер взглядом опытного охотника за недвижимостью.

– Холостякуешь? – Дотянувшись до открытой бутылки, он налил в фужер бордовой жидкости, влил в рот, но тут же, словно из сифона, резко выплюнул вино на персидский ковер хозяина. – В эту бутылку что, предметы твоей контрабанды всем хором ходят?!

Весь вечер вчерашнего дня и начало этой ночи с Виктором Петровичем, торговцем экзотическими видами животных, происходили странные и пугающие его события. В начале восьмого вечера в квартиру вломились четверо «братков» и потребовали пять тысяч долларов за право верховодить в этом виде бизнеса. Дома у Виктора Петровича, как у старого опытного спекулянта и мошенника, деньги водились редко, дабы они не превратились в так называемые «средства, приобретенные преступным путем», и не были изъяты при первом же обыске. Благо «братки» вошли в положение Желюбчика, и момент передачи денежных средств был перенесен на двенадцать часов уже нового, только что наступившего дня. Однако перед самым уходом Виктор Петрович

был предупрежден, что, если ему придет в голову какая-нибудь глупость и он, поддавшись минутной слабости, предупредит о месте и времени встречи каких-нибудь ментов, наступившие последствия могут быть самыми тяжкими. В качестве примера Желюбчику рассказали, как в прошлом году в терновском лесу совершенно случайно заблудился и умер от голода коммерсант из Минска.

– Какая глупость! – воскликнул Виктор Петрович, закрывая за ними дверь. – Я что, идиот, что ли?

Однако, вернувшись в комнату, он тут же позвонил своему «таможенному» куратору и предупредил, что у него вымогают деньги. Владимир Игнатьевич, который для Яши был просто Волохой, назвал Желюбчику номер телефона УБОПа и имя, к носителю которого он там должен будет обратиться. И Желюбчик обратился. В двенадцать часов в его квартиру прибыли сотрудники антимафиозного ведомства, проинструктировали, выдали диктофон с микрофонным шнуром и договорились встретиться завтра на месте передачи денег.

– Вы нас не увидите, – предупредил один из оперов. – Мы всегда незаметны.

Выходя на площадку, он, посмотрев на часы и раздирая в зевоте рот, добавил:

– Но, если вы нас лоханули, вы увидите нас очень скоро.

Переживая эти слова и распивая бордо, Виктор Петрович услышал звонок в дверь. И сейчас в его жилище находился еще какой-то, уже третий по счету криминальный

квартет со смутными претензиями и туманным изложением требований. В том, что его будут бить, Виктор Петрович не сомневался ни на йоту. Вопрос в другом. Хитра братва, хитры и менты. А если эта четверка – посланцы кого-то из них на предмет лояльности исполнения обязательств по завтрашней передаче денег? Тут и татуировка, рисованная химическим карандашом, на теле опера-provokatora появиться может, и костюм от Рико Понти взаймы у банкира недолго взять...

А если это братва принимает у него зачет перед завтрашним экзаменом?..

– Что ты на меня смотришь, как зоофил на жирафа?! – прорвался сквозь мысли Виктора Петровича крик незнакомого громилы. – Я спрашиваю – черепашки каймановые через твои руки проходили?!!

– Черепашки?.. – промямлил он. – Каймановые?..

– Все, я больше не могу, – решительно заявил бугай с перевязанной рукой и отошел к окну. – Балу, поговори с ним...

Перед Желюбчиком возникло тело, заслонившее все мироздание.

– Тебе что, подсказку из зала нужно?

После оплеухи с правой стокилограммовый Виктор Петрович отлетел в другой угол дивана.

– Может, он звонок другу хочет сделать? – не поворачиваясь, поинтересовался Яша. Он старательно смотрел на кончик сигареты и пытался совместить его с пламенем зажигал-

ки.

После восьмого или девятого удара, когда у него уже была отбита вся требуха, Виктор Петрович понял, что нужно либо вспоминать что-то о каймановых черепашках, о присутствии которых в Тернове он даже не догадывался, либо уже завтра идти в собес за льготами по группе инвалидности. Покряхтывая под ломовыми ударами, которые сбивали в сторону не только мысли, но и все органы, Желюбчик Виктор прокручивал в голове фамилии фигурантов, одного из которых можно было бы подставить под этих косоголовых. Память, выполняя задачу поиска, быстро привела к одному парню, которому Желюбчик в прошлом году продал попугая ара. Тот должен был отдать за него полторы тысячи «зеленых» уже через неделю, как и договорились, но тут вмешался форсмажор. Ара издох, а вместо денег Желюбчик получил рекламации по поводу некачественного товара. С тех пор торговец животными поклялся никогда и никому не отдавать вечером стулья, не получив за них утром денег.

– Вспомнил, вспомнил одного!.. – прокричал он, пытаясь всеми припухлостями тела заслониться от разящих ударов ногами чудовища по кличке Балу. – Есть один... Я ему три месяца назад... Нет, две недели назад черепаху продал.

– Правда? – спросил Яша, туша сигарету о подоконник. – И как же выглядела черепаха?

Зря Локомотив пытался выяснить то, что кандидату биологических наук Желюбчику было известно лучше, чем ко-

му бы то ни было. Ни разу не видя каймановую черепаху в Тернове, он описал ее Шебанину так, что тот просто не мог не поверить. Оставалось выяснить лишь размер...

– Вот такая. – Желюбчик показал габариты двумя указательными пальцами.

Шебанин в сомнении покачал головой.

– Что-то ты гонишь, друг. Слишком маленькая.

– Они растут быстро.

– Что, по сантиметру в день?

– Если хорошо кормить, то и больше...

Яша, услышав слово «кормить», опять почувствовал боль в руке.

– И где живет счастливый обладатель этой твари?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.